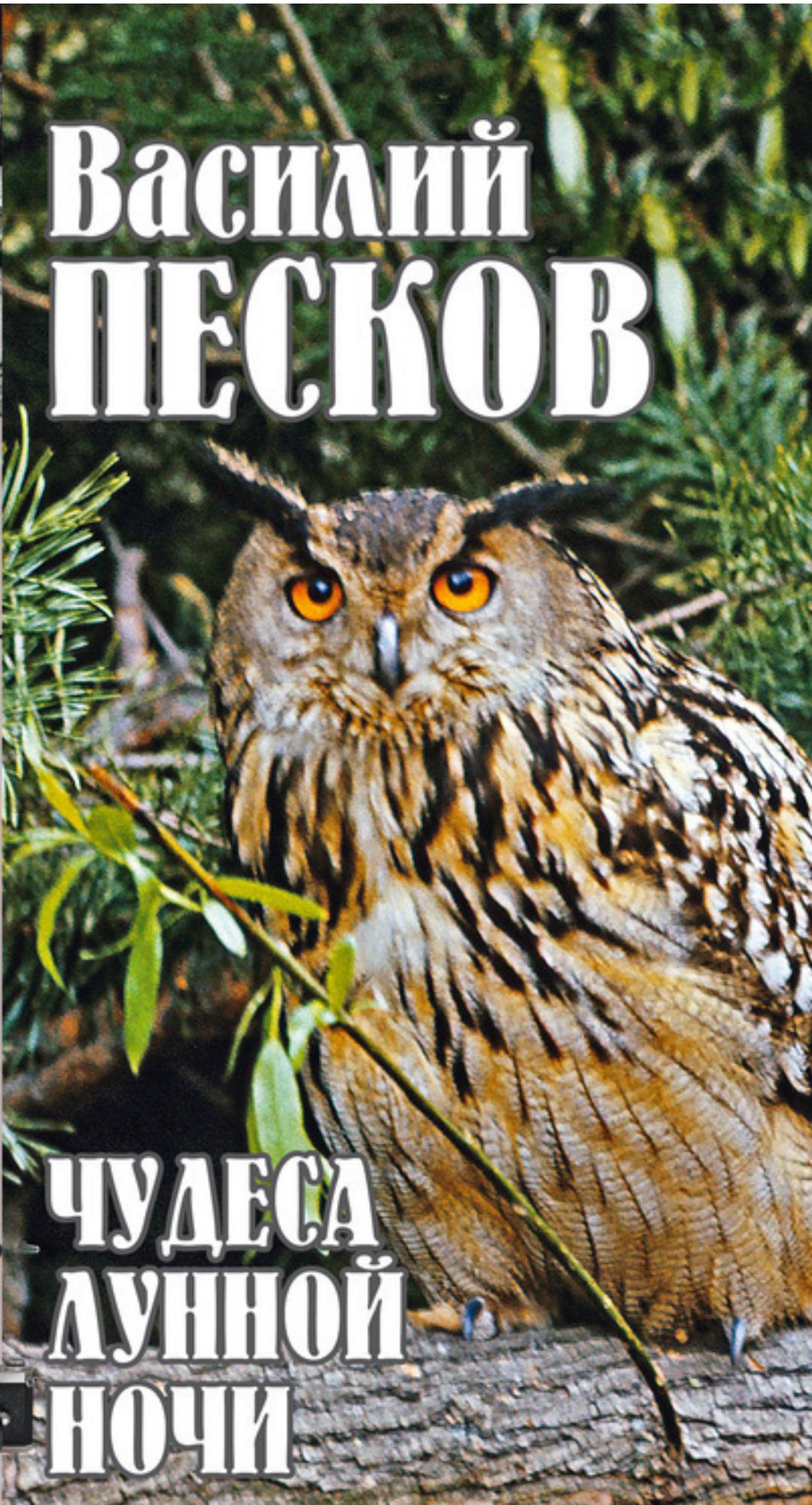

Василий ПЕСКОВ

*С уважением
Василий
Юбер*

ЧУДЕСА ЛУННОЙ НОЧИ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Михаил Васильевич Песков
родился 15 января 1928 года в селе
Сосновка Ленинградской области.
Он окончил Ленинградский университет
и работал журналистом в газете
«Ленинградская правда». В 1954 году
переехал в Москву. Его рассказы
появились в журнале «Звезда».
Васильев Песков — автор
романов, повестей, рассказов,
эссе, публицистики.

КОМСОМЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 15. Чудеса лунной ночи**

«ИД Комсомольская правда»

2014

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 15. Чудеса лунной
ночи / В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда»,
2014 — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-891-4

В 15-м томе собрания сочинений обозревателя «Комсомольской правды» Василия Михайловича Пескова продолжается цикл заметок его рубрики «Окно в природу» и новые встречи с людьми на «Проселках». Среди них – уникальная – с летчиком Михаилом Девятаевым, совершившим с товарищами в годы войны побег из фашистского плена на захваченном немецком бомбардировщике.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-891-4

© Песков В. М., 2014

© ИД Комсомольская правда, 2014

Содержание

Предисловие	6
1983	8
Зимовка	8
Сотрапезники	12
Логово	14
Личность	17
Северный переход	20
Упряжка	26
Вполголоса...	29
Летний багаж	30
Таежный тупик	35
Журавлиная пристань	44
Таежный хлеб	46
Соседи	48
Птицы ночи	50
Снегоход	53
На площади в Бремене	55
1984	57
Дайте им шанс остаться живыми	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Василий Песков
Полное собрание сочинений.
Том 15. Чудеса лунной ночи
1983-1985

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«В живой природе тайн и загадок неисчислимо. Их хватает на все поколения любознательных человек. Если, конечно, человек не затопчит природу вместе с тайнами ее и загадками».
В. Песков

Предисловие

Мы в редакции «Комсомольской правды» всегда удивлялись, откуда у Василия Михайловича столько отличных снимков природы. Все-таки рубрика его «Окно в природу» появлялась на страницах десятки (!) лет. Конечно, какие-то снимки ему присылали читатели – фанаты этой рубрики, что-то он переснимал из журналов о животных. Но все равно главными оставались его собственный глаз, фотокамера и терпение.

Очень любопытно, как он высматривал сюжеты для своих дивных фото. Вот его записи об этом:

«Хорошо ездить, летать и плавать. Но фотокамера не должна висеть на гвозде, когда вы дома. На деревенском дворе, если быть наблюдательным, можно увидеть много всего интересного.

Вот собака и кошка. Обычно они враждуют. На Камчатке охотничья собака, помню, в мгновение ока прикончила кошку – для нее это была добыча, вроде соболя или белки. Обыкновенно такое во дворе не случается – кошка всегда начеку, всегда готова вскочить на прясло или на дерево. Но бывают между ними, антагонистами, и трогательная дружба или какие-нибудь неожиданные курьезы. Одна из моих читательниц пишет: «Собака и кошка у нас во дворе враждовали. Причем кошка отлично знала длину цепи, на которой Барсика держали у будки, и доводила врага своего до исступления, пробегая в предельной близости.

А однажды мы удивились. Идет дождь, а Барсик наш не залез в конуру, мокнет снаружи. В чем дело? Заглянули в его жилище и обомлели. В нем лежала только что окотившаяся кошка. Поразительно, что собака ее не только не тронула, но уступила роженице уютное место. И кошка не испугалась в будку войти». Подобных историй с кошками и собаками, лошадьми, коровами, гусями и курами множество. Особенно интересен двор, когда он находится близко к лесу, к реке. Тогда в него проникают животные дикие. Я знаю случай, когда во двор к леснику через изгородь прыгнул лось, которого гнали волки. Ястреб в таком дворе – обычный гость. Лисица непременно будет интересоваться курами. В Приокско-террасном заповеднике во дворе друга я увидел неожиданно петуха... в тельняшке. Оказалось, лисица Петра прищучила, но до смерти не довела и далеко унести не смогла. Измученного, оципанного властелина двора лисица прикопала в канаве, и он, очухавшись, синий от ран и холода, прилепился домой. Дело было перед зимой – пришлось хозяйке сшить пострадавшему жилетку на вате... Много всего любопытного происходит на близком к лесу деревенском дворе. Сойки из леса прилетают иногда чем-нибудь поживиться; сороки прибываются зимой к деревьям, иногда, нахохлившись на морозе, подолгу ждут, чтобы выхватить у собаки из миски кусочек еды. Воробьи снуют между курами – поспевают что-нибудь клюнуть. Лесник мне рассказывал: к курам, которых зимой подкармливали подмороженным мясом, повадился прилетать дятел и вел себя как хозяин.

В одном дворе, пишут, жил не улетевиший почему-то на юг журавль. Эту осанистую птицу все дворовое общество уважало и побаивалось. Стоило кому-нибудь затеять драку, журавль мирил драчунов.

Или вот случай на подмосковной даче. Куры почему-то перестали нестись в сарае, а клали яйца за будкой собаки. Проследили – и оказалось: яйца воровали вороны, и куры догадались, кто может их защитить. Одной вороне собака вырвала хвост, и воровство прекратилось.

Читая и слушая такие рассказы, всегда думаешь: вот бы снимок! Фотография не только фиксирует занятное или курьезное поведение разных животных, она докумен-

тирует редкие случаи в их отношениях. Порою трудно даже поверить, что подобное может случиться. Конечно, непросто все это снять. Но все же иногда удается. Помню снимок одной девчушки, сделанный бесхитростной «Сменой»: кошка акробатом крадется к бабочке, сидящей на тонкой жерди забора. На другом снимке кошку на дереве атакует стая ворон. Или еще фотография: орава кошек у телевизора, на экране которого беспечно прыгают птицы. Или интересный и для науки снимок: гусь тянет рычаг колонки, а другой пьет, подняв к трубе голову... Камеру надо всегда держать наготове!»

Вспомните об этом, когда сегодня будете читать очередные его рассказы о животных и взгляды в фотографии. Вы тоже можете попробовать, слава богу, теперь у каждого в кармане лежит телефон со встроенной фото- и видеокамерой. Почему бы и вам не попробовать открыть для себя свое собственное окно в природу?

Доброго чтения!

Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1983

Зимовка

Окончание. Начало в томе 14.

* * *

Для науки Антарктида – уникальное место планеты, гигантская лаборатория, где изучают природу Земли и космоса. Тут работают геофизики, магнитологи, океанологи, моряки, радиофизики, биологи, астрономы. Но холод и лед все-таки главные из объектов науки. Антарктиду называют «кухней» земной погоды. Надо ли удивляться, как тянет к себе эта «кухня» климатологов, гляциологов, ученых метеослужбы.

Но, оказалось, антарктический лед, напластованный чередованием зимы и лета, является еще и уникальным летописцем Земли. Как годовые кольца деревьев, лед, если его пробурить и исследовать вынутые керны, может рассказать, в какие годы на планете выпадали пеплы вулканов, когда оседала метеорная пыль, как менялся климат планеты, каков возраст самой антарктической ледяной шапки. Бурение льда подтвердило, между прочим, предположение, что ледяная масса, соприкасаясь у основания с грунтом, превращается в воду – давление, трение и внутриземное тепло в совокупности делают свое дело...

Много всего поведала Антарктида. Несколько поколений людей снимали с этого континента покров таинственности, но главные, громадные по объему знания Антарктиды были получены в этом веке. Большой и всеми признанный вклад в изучение континента сделали советские исследователи. Их тут с 1956 года побывало шестнадцать тысяч, причем пять тысяч – с зимовкой.

Однако чем больше мы знаем, тем больше у нас вопросов. И «белый магнит» по-прежнему будет притягивать исследователей. В последние годы Антарктиду усиленно посещают геологи. И они «накопали» тут много всего интересного, объясняющего природу Земли и дающего представление о богатствах южного континента. Угля, утверждают, тут больше, чем на всех других континентах, вместе взятых. Месторождения железа не уступают запасам под Курском. Тут обнаружены руды свинца, никеля, меди, марганца, молибдена. И все настойчивее разговоры – в Антарктиде есть нефть.

Пока в практических целях с континента увезли лишь глыбу белого мрамора на памятник Скотту в Новой Зеландии. Но завтра может все измениться. И очень возможно, что главный спрос тут будет на... лед. Идея водить отсюда айсберги на буксире лет двадцать назад вызывала улыбку. Сейчас уже существуют проекты, как это делать. Проблема чистой воды повсюду становится все острее. И взоры людей обращаются к Антарктиде. Тут законсервировано восемь десятых запасов пресной воды планеты...

«Плывать по морю необходимо...»

* * *

Со времен Фаддея Беллинсгаузена Антарктида, конечно, ни на градус не потеплела, не стала гостеприимней. Но люди научились тут жить и работать. Опасно? Обдуманно скажем: не более, чем ехать по напряженной автомобильной дороге. Большая опасность в наш технический век, как наблюдаем, может подстеречь человека даже на тихой, спокойной,

обжитой реке, стоит лишь малость притупить бдительность. Антарктида же требует мужества, выносливости и дисциплины особой. Она, как любят говорить полярники, не прощает обращения с нею на ты.

Еще случай... Новозеландская база Скотт. Четыре биолога во главе с американцем Джимом Лаури в спокойный солнечный день поплыли на лодке для работы в прибрежных водах. Погода испортилась... мотор отказал... лодку айсбергом смяло... на обломке льдины людей понесло в океан... На базе все были спокойны. И только на четвертые сутки отсутствие группы заметили. Подняли все самолеты и вертолеты, а также наземные средства. После тридцати часов поисков, уже всем казавшихся безнадежными, терпящих бедствие обнаружили. Причина беды – беспечность: никому не сказали, что отлучаются.

Инженер Михаил Родин, здоровый, сильный, цветущий, считал на «Востоке», что все ему нипочем. И, возможно, даже для себя самого незаметно плотнул морозного воздуха «не через шарф». Вы помните, чем это кончилось. Какой драматической, рискованной для всех остальных была эвакуация человека со станции.

Пожары – бич Антарктиды. Воздух тут действительно сух, как в Сахаре, и от беды, как говорят, не зарекайся. Но ведь известно и то, что пожары чаще случаются там, где не очень-то помнят, что пожары могут случиться.

И меры предосторожности на случай пожара... Не будем забираться в рассуждениях на эту тему в антарктическое далеко. Заглянем в любую нашу городскую гостиницу. После известного всем пожара в Москве сейчас в коридорах гостиниц висят в рамках под стеклом листки, по которым жилец при пожаре должен, как по географической карте, определиться, куда бежать от огня. Я езжу много, и меня всегда занимают эти искусные чертежи, именно чертежи, по которым хороший прораб может, наверное, построить саму гостиницу, но в которых жилец, даже грамотный, и в обстановке спокойной с трудом разберется. Может ли этот чертеж помочь человеку, охваченному паникой, да чаще всего и не очень сильному в чтении чертежей? Не поможет. Но ведь висят же! Всюду висят. Впрочем, нет, кое-где появились листки картона со стрелкой и фигуркой бегущего к выходу. Надо ли говорить, что этот способ уберечь человека не формален, прост и разумен.

И в Антарктиду вернемся. Дизельная электростанция – сердце «Востока». Все понимали: если этого сердца лишиться – конец. Двадцать пять лет понимали. Человеку запасное сердце иметь невозможно. Но в жилой точке, космически удаленной от всех, точке пожароопасной второе сердце иметь полагалось. В отдельном строении смазанными и отлаженными должны были стоять два двигателя. Их не было. Точнее, были, но под одной крышей: и основные, и запасные. Тот самый случай житейской практики, о котором сказано поговоркой: «Все яйца клали в одну корзину».

На теплоходе из Антарктиды вместе с «восточниками» плыло много других зимовщиков. Не рядовой случай на станции, конечно, так и сяк обсуждался. Ветераны антарктической экспедиции с горечью говорили, что в последние годы заметно стало больше всяких накладок. Я не считаю возможным говорить обо всем, что вспоминалось под горячую руку. Подготовка любой экспедиции – дело чрезвычайно сложное и громоздкое. Абсолютно все предусмотреть трудно. Но есть ли стремление к этому абсолюту? Обращаюсь к рассказам на теплоходе. «Завезли на «Восток» запасные части для дизелей – они оказались от двигателей другой модификации. Что было делать механикам Карпенко и Кузнецову? По пятнадцать часов не выходили из дизельной – перетрясали, чинили изношенные машины». «Завезли в Антарктиду горючее не той кондиции. Самолетам летать было на нем нельзя. Летали, нарушая инструкции». «В медпункт приходит больной. Пьяный врач: «Не нахожу внутри у тебя никакой патологии». Но сам больной догадывается – аппендицит. Запоздалая, нехорошо сделанная операция, все тем же врачом под парами, вынудила потом обращаться за помощью на французскую станцию».

Такого рода накладки терпимыми быть не могут. Успех любой экспедиции закладывается «дома, в тепле». Недогляд, оплошность, небрежность в экстремальных условиях оборачиваются бедой, трагедией, преодолением великих трудностей. Пример классический: экспедиции Скотта и Амундсена. Одну венчает победа, другую – драма. Вспоминая Скотта, всегда говорили о злом стечении обстоятельств. Но вот недавно сами англичане, изучив хладнокровно, как готовились к экспедициям Скотт и его норвежский соперник, пришли к выводу: Амундсен предусмотрел все, Скотт же наделал ошибок и в подборе людей, и в подготовке снаряжения. У Скотта за три месяца на запасных складах на три четверти улетучился керосин из бидонов, и этим частично объясняется гибель группы. Но Амундсен ведь тоже пользовался керосином. Пятьдесят лет спустя на 86-м градусе южной широты обнаружили канистру, принадлежащую его группе. Открыли... она была полна керосина! Норвежец, отправляясь в Антарктиду, позаботился, чтобы горючее не улетучилось.

Пример характерный. Предусмотрительность, дисциплина, тщательная проверка всего, что отправляется в Антарктиду (снаряжения и людей), как правило, избавляют зимовщиков от ситуаций, когда приходится преодолевать трудности, каких могло бы не быть.

На теплоходе люди бывалые мне говорили: «Сложно стало комплектовать экспедиции». Одной из причин называли оплату труда зимовщиков. Она не изменилась с 1956 года. Этот момент нельзя назвать несущественным. Труд в экстремальных условиях должен достойно вознаграждаться. Это сразу разрешило бы главную из проблем: брать на зимовки не всех подряд, а со строгим отбором, как это раньше и было (и так обязательно должно быть!). Это позволило бы для особо трудных зимовок подбирать людей по законам психологической совместимости. Об этом меня просили обязательно написать все «восточники» до единого.

И под конец одна существенная деталь особо трудной зимовки «Востока». Когда угроза гибели людей была отодвинута, начальник станции запросил Большую землю: по каким нормам распоряжаться продуктами, часть которых на морозе погибла? Из Ленинграда снабженец Чхиквадзе Михаил Капитонович вместо разумно-сердечного: «Да ешьте, ребята, что есть, только выживите» – прислал строгую телеграмму, что все учитывать будут по существующим правилам и с учетом обстоятельств пожара. Начальник, зная дело на месте лучше, чем Михаил Капитонович, послал еще одну телеграмму руководителям выше с объяснением исключительной ситуации. Но телеграмма попала почему-то опять к Чхиквадзе. И ответ был суровее прежнего. У начальника станции не хватило мудрости послать третью, пятую телеграмму и добиться в конце концов понимания. Вместо этого он заявил терпящим бедствие людям, что они, мол, переедают, не соблюдая нормы, что надо все экономить... Если бы взводу солдат, ведущих смертельный бой в окружении, сказали в этот момент, что с них будет спрошено за патроны и пшеничные концентраты, солдаты, мягко сказать, не поняли бы говорившего. То же самое случилось и на «Востоке». Не знаю, сколько раз начальник станции пожалел обо всем, что необдуманно выложил «взводу», но обстановка на станции, и без того невыносимо тяжелая, усложнилась резким похолоданием климата психологического.

Понимал ли Михаил Капитонович Чхиквадзе, как было трудно там, на «Востоке»? Должен был понимать. Но, к сожалению, не всегда понимает человек, сидящий в тепле, человека на холоде. Мне сообщили: Михаил Капитонович в Институте Арктики и Антарктики прежней должности уже не занимает. Это, насколько я понял зимовщиков, хорошая новость и не только для тех, кто был на «Востоке»...

А «восточников» в Одессе встречали музыкой и речами: «Молодцы, выдержали!» Я смотрел на ребят и думал: все они с удовольствием поменяли бы большую часть похвалы на мудрость понимания их там, «в окружении», на «Востоке».

Вот такая она, Антарктида, и такая зимовка в самой ее глубине. Драматическая, героическая, поучительная зимовка.

* * *

Р. С. Три дня назад я послал телеграмму новой группе зимовщиков на «Востоке»: как дела, погода и самочувствие? И вот получен ответ: «У нас все в порядке. Работаем. Ликвидируем последствия прошлогоднего несчастья. На «Востоке» полярная ночь. Мороз сегодня – минус 76. От имени двадцати зимовщиков начальник станции «Восток» Будрецкий Арнольд Богданович».

Плывать по морю необходимо!..

Фото автора, Д. Дмитриева и П. Астахова (из архива В. Пескова). 5, 7, 9 – 12 июня 1983 года.

В Антарктиде.

Сотрапезники

Окно в природу

Известно, что гусь свинье – не товарищ, хотя можно увидеть свинью и гуся у одного корыта. Но что происходит тут? Сотрапезники: кошка и мышка, белый медведь и свиньи. Возможно ли это? Как видим, возможно.

Наблюдая животных, можно увидеть интересные сценки. Ну, например, я видел, как в клетку к рыси собиралось полдюжины кошек. Они не только вместе закусывали, они, как любим мы сейчас говорить, «общались». Рысь вальяжно ложилась, а кошки рядком устраивались у нее на боку. Вся компания сладко дремала, не обращая внимания на множество звуков, в том числе и на щелканье фотокамеры. Но только я пискнул мышью, как кошки и рысь встрепенулись и наострили уши. В этот момент я лучше всего почувствовал: передо мною родня.

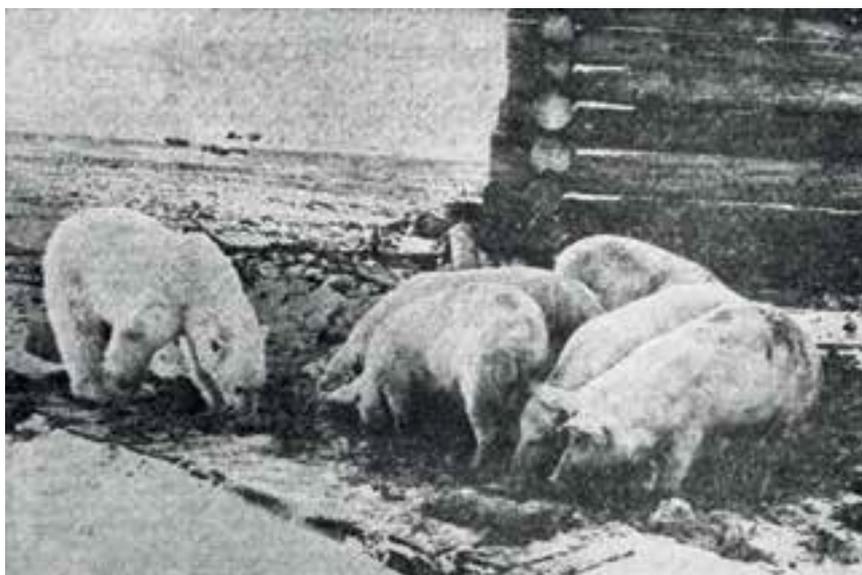
По-родственному ведут себя домашние свиньи и дикие кабаны. Случалось не раз, на ферму из леса заходил погостить одинокий секач. Случалось, хавроньи пропадали в лесу с ухажером и приносили потом полосатеньких поросят.

Дикие гуси во время пролетов, бывает, смешиваются с домашними. В Америке дикие индюки прилетают на фермы к индюшкам. Собаки и волки, враждующие, случается, все же образуют пары. Удивительно, но объяснимо – родня.

А вот еще наблюдение... В Калининградском зоопарке в одном загоне я видел петуха и лису. И есть у меня фотография: лисица в курятнике. Десятка четыре кур, и в этом обществе – лизавета. Никакого переполоха. Куры клюют зерно, лиса с любопытством глядит на фотографа. Воистину примиренье воды и огня!

Известен случай: снимая какой-то фильм о животных, к тигру в загон пустили козленка. Ожидали кровавой сцены. А тигр подошел и стал козленка облизывать. Удивительно, но все-таки объяснимо: неволя иногда подавляет инстинкты.

Что касается кошки и мышки, свиней и медведя, то тут такая картина. Для котенка в комнате ставили блюдечко с молоком. В момент отсутствия едока из норки к блюдцу навелась мышь. Молоко ей понравилось. И стала мышка ловить моменты: котенок из комнаты – она к блюдцу. Но вот случилось, котенок вернулся, а у блюдечка – гость. Сколько длилось вот это мгновенье, немецкий фотограф не пишет. Несмышлениш-котенок в упор, с любопытством глядел на мышь, а у той ни капельки страха. Дело кончилось тем, что котенок все же зверя в себе почувствовал. Но старая мудрая мышь этот момент уловила и была такова. На двух других хранящихся у меня фотографиях котенок неумело и неуклюже преследует сотрапезницу, но всего-то сотня мышинных шагов до норки...

Снимок свиней и медведя прислали нам со Шпицбергена (не указав, к сожалению, автора фотографии). Приход медведя к отбросам – обычное дело на Севере. Но тут в отбросах возятся вместе хищник и свиньи, совершенно перед ним беззащитные. Дело, видимо, в том, что медведь, подобно котенку, по молодости еще глуп и неопытен, а свиньям, завезенным на Север, откуда им знать, что может и что не может белый медведь? Но зверь в медведе-подростке все же проснется. И потому небезопасно возле него находиться не только свиньям, но и фотографу.

• Фото из архива В. Пескова. 19 июня 1983 г.

Логово

Окно в природу

Логово волка обычно – тайна из тайн. Чтобы не выдать место пребывания детворы, волки вблизи не охотятся. И если волки почуяли: логово обнаружено – немедленно, спешно уносят волчат в безопасное место.

Понаблюдать жизнь логова – несбыточная мечта многих натуралистов. Снять на пленку интимную жизнь волков в природе практически невозможно. Выход один: снимать осторожного зверя в неволе, в условиях, максимально приближенных к жизни дикой природы. Неделю назад я наблюдал за волками в такой обстановке.

Уголок леса размером со стадион был окружен сеткой. Все тут есть для волков: овражек, поросший крапивой и лопухами, лесной валежник, родник, полог елок, трава. Четыре зверя в загоне. Стою неподвижно у сетки с фотокамерой наготове в надежде: вот-вот блеснет где-нибудь пара глаз. Стою полчаса, час стою. Напрасно! Меня волки наверняка видят, но ни один ничем не обнаружил себя.

Занимаю место на одной из трех вышек, стоящих в лесу. С них кинооператоры, меняясь, ведут наблюдения – в нужный момент включают стоящую на треногах аппаратуру. К этим вышкам волки успели привыкнуть. Уже минут через пять замечаю шевеление трав. И вот прямо на меня, осторожно ступая, идет волчица. Прежде чем выйти на открытое место из-под деревьев, внимательно слушает – вижу, как шевелятся торчком стоящие уши. В последнюю очередь волчица смотрит на вышку. Мы встречаемся взглядом. Но волчица не отступает. Наоборот, привыкая, как видно, к неизбежному для нее присутствию здесь человека, она решительно, но по-прежнему неторопливо направляется к логову.

Логово расположено метрах в пятнадцати от меня. Хорошо видно вытоптанную волчьими лапами площадку и у края ее, у коряги – пологий укатанный ход под землю.

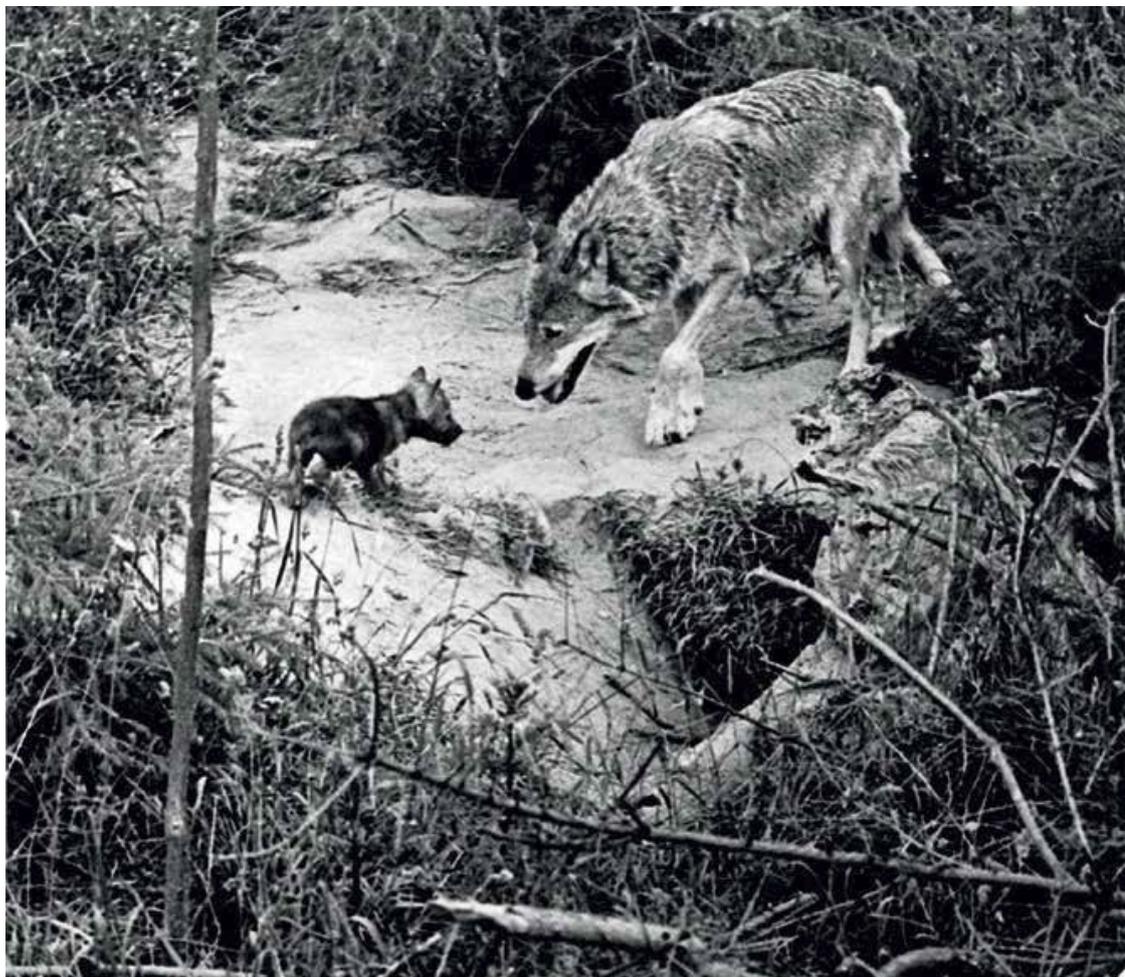
Появление волчицы, видно, давно ожидалось теми, кто пребывал в подземелье. На площадку, сбивая друг друга, выскочили три волчонок. И немедленно – к матери. Волчица увлекла нетерпеливо голодных щенят в сторону, в травы, и волчата буквально повисли у нее на сосках. Пока под брюхом у матери шла возня, сама она стояла спокойно, наклонив голову. Язык от жары высунут, глаза, как в дремоте, полузакрыты. Бурая шкура волчицы линяла, и этот обычно аккуратный подтянутый зверь выглядел неряшливо, неопрятно.

После кормежки волчата, путаясь у матери под ногами, стали вместе с ней обследовать окрестности логова. Зачем-то волчица перенесла с одного места на другое березовый сук, и волчата принялись его обнюхивать, как будто первый раз видели. Потом мать вынула из травы припасенное ранее мясо, стала рвать его на куски и разнесла их потом в несколько мест, давая волчатам поиграть с пищей в прятки.

Пока невидимый для меня молодняк возился в траве, волчица легла подремать, но скоро без причины как будто вдруг встрепенулась и кинулась в чащу. Волчата при этом горюхом скатились в яму... Минут через пять я услышал голоса женщин, шедших лесом с покоса. Это их задолго до меня услышала волчица и бросилась загодя обнаружить опасность. Убедившись, что опасности нет, мать неслышно, как тень, появилась у логова.

В одну из отлучек волчицы, в колдобину, через которую тек ручеек, я кинул кусок конины, полагая, что волчица не сразу обнаружит добычу. К моему удивлению, появившись минут через десять, она направилась прямо к воде и нырнула в нее. Отряхиваясь, она вышла к площадке с мясом в зубах. Всеобщее любопытство! Дав волчатам как следует наглядеться на мясо, волчица отнесла его в сторону и стала прятать. Она нагнула лапой траву с одной

стороны, потом с другой, примяла мордой. Волчата за всей процедурой наблюдали, не шевелясь. Не сделав попытки тронуть спрятанный клад, они побежали за матерью, на ходу облизывая ее морду.

Где-то на третьем часу наблюдения я обнаружил и папу-волка. Он лежал от логова в стороне и выдал себя только шевеленьем ушей. Он потом уходил. Но вернувшись, занимал позицию наблюдения: лежка – плотно на брюхе, морда на лапах, уши торчком, глаза внимательные. К логову ни разу он не приблизился.

Фотокамера моя была наготове, но бездействовала. Малыши на открытой площадке суетились немало, но момента, когда бы они оказались вместе с матерью, не было – она все время увлекала их в сторону. Но терпенье фотографа оправдалось.

В отсутствие матери, когда волчата обязательно прятались в яму или стихали в траве, один шалопай беспечно бродил по площадке. В этот момент мать его и застала. Я услышал приглушенное горловое рычание, означавшее: «Я кому говорила, не шлейся, разве не понимаешь – опасно!» Волчонок все понял, пятась задом, он юркнул в яму, но я успел его снять вместе с матерью.

Солнце уже садилось за елки, когда я покинул вышку. Волчица в это время легла отдохнуть и уснула. Я пытался ее разбудить пискom мыши, скрипом половицы на вышке – не проснулась или презрительно сделала вид, что спит.

Так ли ведут себя волки в дикой природе? Неволя, даже такая, с видимостью свободы, поведение животных, разумеется, искажает. И все же лес и логово в нем во многом дают проявиться волчьей натуре.

- **Фото автора. 26 июня 1983 г.**

Личность

Окно в природу

Начнем с петуха. Мы видим его в роли для петухов необычной – собрал под себя и греет цыплят. Григорий Иванович Сологуб из деревни Гора Белгородщины объясняет ситуацию так: «Наседка была непутевая. Днем мать как мать, а вечером – на насест, да повыше. Мелкота пищит – холодно, а ей хоть бы что. И, видно, дрогнуло у нашего петуха сердце. Однажды смотрим – цыплята под ним. И так пошло потом каждый вечер. Беззаботная мать – на насест, а Петя внизу, и цыплята сразу к нему под крылья. Свои дневные дела петух вел исправно. А вечером пробуждались у Пети не свойственные петухам родительские заботы. На эту диковину к нам во двор приходили глядеть соседи. Даже фотограф со вспышкой пришел, и я посылаю вам снимок нашего знаменитого петуха».

Можно улыбнуться, вспомним кое-что похожее в нашей человеческой жизни. Однако запомним: необычный, незаурядный петух.

На втором снимке видим мы трясогузку. Я снял ее на палубе теплохода «Казань», совершающего рейсы Уфа – Москва – Уфа. Птица как птица, ничем особым от сородичей-трясогузок не отличается. И все же личность! Свила гнездо в щели вентилятора на палубе корабля. Когда теплоход, отчалив, двинулся в дальний путь, трясогузка гнезда не оставила. И совершила, возможно, единственное в птичьем мире странствие из Уфы в Москву и обратно. Капитан теплохода, которому доложили о трясогузке, приказал обнести вентилятор с гнездом канатом. Никто и ничто не мешало птице. И она, охотясь на верхней палубе за мошкаркой, благополучно вывела птенцов, а потом их и выкормила, взрастила. На остановках она улетала охотиться на берег. Но ни разу не отстала от теплохода и вернулась в Уфу со взрослым потомством. Если бы трясогузки вели счет заслугам своих сородичей, эта вот путешественница несомненно была бы в числе знаменитостей...

В Москве в районе стадиона «Динамо» я уже много лет наблюдаю ворону заметного ума и характера. Проходишь мимо сидящих на дереве птиц – все, повинаясь стайному чувству, взлетели, а она остается сидеть, потому что видит: реальной опасности нет. А недавно увидел такую сцену. Кто-то оплошно уронил на улице несколько сушек. Вороны сейчас же это заметили. Одна, схватив сушку, села на дерево. Потрогав клювом крайне сухой кренделек и поняв, что пища «не по зубам», ворона бросила сушку в бурьян. Но вот еще одну сушку находит другая ворона. И что же я вижу: не взлетая, вперевалку, неторопливо ворона идет к трамвайному рельсу, на него кладет сушку и, отлетев, сидит на штакетнике, ждет.

Первый раз это было, а может, ворона уже прибежала к такому приему, но только трамвай прогремел – она подлетела к рельсу, подхватила быстро осколки сухого хлеба и села на старую липу – «заморить червяка». У давней моей знакомой примет особенных нет, но хочется думать, что это была она, старая сообразительная ворона.

Один мой знакомый биолог сказал: «У каждого вида животных есть особи заурядные, есть способные, и изредка так же, как у людей, встречаются гении». Очень возможно, что так и есть. Для нас все щеглы, все муравьи, сороки, зайцы, змеи, кроты – все на одно лицо. Природа тысячи и даже миллионы лет «штампует» разные виды животных с поразительным безошибочным постоянством, наделяя их не только одинаковой внешностью (вплоть до какого-нибудь особо окрашенного перышка в крыльях!), но также и одинаковым поведением, во многом определенным врожденной программой. Но стоит близко, внимательно присмотреться к отдельному существу, чувствуешь: чем-то, пусть маленьким, в своем поведении оно отличается от себе подобных. У каждого – свой характер.

Возможно, в меньшей степени это свойственно насекомым, хотя и тут закон «непохожести» действует несомненно. Что же касается высокоорганизованных животных – слонов, обезьян, медведей и особенно соприкасающихся с нами животных – волков, вороновых птиц, воробьев, – тут способности отдельных особей мы видим часто даже «невооруженным глазом». И можем без особой натяжки употребить слово **личность**.

Известный каждому с детства писатель Сетон-Томпсон хорошо знал природу и умел о ней рассказать. Одну из своих замечательных книг, посвященных животным (помните:

Виннипегский волк, голубь Арно, трущобная кошка, волки Лобо и Бланка?), писатель так и назвал – «Животные-герои».

- **Фото из архива В. Пескова. 3 июля 1983 г.**

Северный переход

Я встретил их в минувшую пятницу в маленьком селении ненецкой тундры. После «собачьих» холодов в Москве тут, на берегу Ледовитого океана, непривычной была сочинская жара – 28 в тени! Людям, за большую дорогу привыкшим к северным холодам, тут было невмочь. Двое из шестерых, к огорчению фотографов, сбрили бороды и, если б не свирепые здешние комары, ходили бы, наверное, как туземцы тропических мест, с повязкой на бедрах. Полсотни лохматых собак, уроженцев Якутии и Чукотки, несомненно, разделяли стенанья своих каюров. Они не знали, куда себя деть от жары – пытались зарыться в землю, вывалив языки, часто-часто дышали.

Шестерых людей и сорок девять собак я застал в самом конце путешествия, оценить которое можно, только взглянув на карту. Пройдемся взглядом от крайней точки – мыс Дежнева на востоке – до Мурманска. Десять тысяч километров «с гаком»! Успешно и без потерь пройти это северное громадное тундровое бездорожье – человеческий подвиг, вызывающий в памяти славные имена россиян-землепроходцев Дежнева, Хабарова, Русанова, Черского.

О потерях и трудностях экспедиции Дежнева сказано так: «Взят мужами российскими мыс с ценой немалой: из 90 казаков спустя год только 12 выбрались к Анадырю... Там построили коч и еще пять лет сушей, реками дошли казаки до дому – Москвы стольной». Так открывалась наша земля. Люди уходили, и годы не было от них вестей. Сегодня повторение их путей проходит в иных условиях. Радио, авиация помогают следить за продвижением людей. Карты дают возможность им хорошо ориентироваться. Однако все тяготы странствий, известные в прошлом, и сегодня полною мерой ложатся на плечи тех, кто рискнул идти по земле без путей и дорог, да еще в крайне суровой ее стороне. Только волевые, выносливые, мужественные и вооруженные, как говорили предки наши, «чистыми помыслами и бескорыстием», одолевают пространства и приносят домой победу. Перед нами шестерка таких людей. Мысленно уберите очки, еще одну-две детали нынешней жизни – и вот они, казаки-землепроходцы времен Дежнева и Хабарова. Да, вот так, или почти так выглядели землепроходцы, чьи имена утвердились на карте России в названиях поселков, мысов, заливов, морей, хребтов, перевалов, бухт, островов. Материк Европы и Азии открывался и обжигался людьми такого вот склада – волевыми, выносливыми, мужественными.

Кто же они, способные сегодня пройти Россию по крайнему ее северу, имея в спутниках у себя лишь собачьи упряжки? Назовем имена. Второй справа (в момент съемки он пытался раздавить комара на щеке) – руководитель и душа экспедиции Сергей Соловьев. Он ученый, связавший жизнь свою с изучением Севера. Справа от него – радист Владимир Карпов, рабочий. Слева – врач экспедиции Владимир Рыбин. Рядом с ним – геофизик Павел Смолин. Бородач в темных очках, с шевелюрой, поседевшей в походе, – журналист Юрий Борисихин. Все пятеро – свердловчане, давно притертые друг к другу в совместных походах по Северу. Крайний слева – новичок в группе, но свой человек в Арктике, ненецкий учитель Филипп Ардеев, попавший в экспедицию «по конкурсу», – нужен был человек с опытом вожденья собачьих упряжек.

Снимок этот сделан на 238-й день путешествия. В этот день экспедиция получила короткую телеграмму: «Малым ходом топаю вам навстречу. Папанин». Старый полярник отечески поддержал экспедицию. Напутствуя в прошлом году молодых своих друзей, он сказал: «Уверен, что буду встречать вас здоровыми. Я верю в вас». Теперь Папанин шел им навстречу – переправить на судне через Белое море.

Осталось еще сказать: экспедицию активно поддержал Свердловский обком комсомола, а осмыслила ее, снарядила и направила газета «Советская Россия». Эмблему экспедиции – человек с упряжкой собак – вы видите на одежде участников перехода. Эта

эмблема сопровождала все интересные сообщения «Советской России» с пути экспедиции. Эта эмблема останется в нашей памяти как символ хорошо обдуманного, тщательно подготовленного, имеющего разумные цели странствия.

Несколько часов белой полярной ночью я беседовал с явно счастливыми, хотя, конечно, усталыми землепроходцами.

– Весь переход по арктическим землям – сплошная очень большая трудность. Вы это знали заранее. Но верно ли оценили все, что пришлось одолеть?

– Скажем честно, если бы знали всю меру тягот, лишений и риска, поход бы кончился там, где начался: в наших мечтах и мыслях.

Все пережитое, преодоленное на огромном пути шестеркой людей, тут не то что описать, даже перечислить невозможно. Путь начался полярной ночью. Это время без солнца даже местные люди, даже под крышей в тепле переносят с большим напряжением. Им же надо было идти! Непременнo идти – в темноте, при морозе, в пургу. («В декабре на Чукотке был всего один день без пурги».) И это не был переход двух-трех дней, когда потом человека ожидают тепло и покой. После ночлега в снегу надо было заставить себя подняться и снова идти. «Собак, усталых и истощенных, приходилось подымать силой. Сами мы подымались усилием воли».

Пургу Чукотки («двигаться приходилось, не видя впереди бегущих собак») сменили морозы и ветры Якутии. «50-градусный мороз в сочетании с сильным ветром эквивалентен был температуре минус 90 – 100 градусов». Стоять в такую стужу нельзя. Только двигаться, только вперед.

Участники экспедиции в ненецкой тундре.

Не обо всем с трассы на этом первом этапе экспедиция могла сообщать читателям «Советской России». Ну можно ли, например, было сообщить, не испугав читателей, как

на реке Индигирке ледяная пурга уложила людей и собак на тридцать восемь часов. «Лежали без еды, без питья, без огня – ни живые, ни мертвые. Три собаки погибли, вмерзнув в лед». Нельзя было сообщить, как по четыре-пять дней люди голодали, отдавая пищу собакам. Голод и истощение заставляли собак жевать свою упряжь, собаки мгновенно съели обретенную варенку с запахом рыбы. Один из участников экспедиции везет жестянку из-под тушенки, изжеванную голодным псом.

Такова реальность езды на собаках в местах, где лишний груз на нарты в запас не положишь, а пополнить запасы пищи вовремя негде – у экспедиции были участки пути в 500 – 800 километров, где не было ни жилья, ни следов человека.

Трудности первой трети пути усугублялись несъезженностью собачьих упряжек, отсутствием нужного опыта управления ими. Немалым был риск при встречах полярной ночью с медведями. Удручала ничтожно малая скорость передвижения – 10 – 15 километров за переход. «Жизнь в эти первые девяносто дней потеряла для нас все краски. Все было, как в черно-белом телевизоре». Местные старожилы, зная все эти трудности, говорили: «Не смогут, не выдержат...»

Они выдержали! На третьей тысяче километров и собаки, и люди почувствовали уверенность в продвижении – накопился опыт, сноровка, умение экономить силы, точно определяться на местности, разумно делать запасы груза. И, если вначале только луна в погожее редкое время освещала их бездорожье, то в январе показалась над горизонтом макушка солнца, и уже не 15 – 20, а 70 – 90 километров стали одолевать собаки и люди за переход.

А дальше пошло, покатило уже при солнце, при терпимых морозах, при относительно частых встречах с людьми. Опасности не исчезли – был постоянным риск вместе с нартами рухнуть с обрыва, надо было следить за собаками, готовыми кинуться догонять зайца или, подобно волкам, растерзать незнакомых им по Чукотке оленей. И все-таки эти случайности проходили теперь в ряду не прежних опасностей, а, пожалуй, что приключений. «Упряжки катились по насту более ста километров за переход. И было у нас ощущение, что трудно забравшись на очень высокую гору, теперь мы полого несемся вниз. Мы и собак вместо обычного «Хок! Хок!» («Вперед!») стали понукать словом «Мурманск!..»

Многому научил людей арктический путь. Научились городские каюры управлять собаками, понимать их характер, знать их возможности. Научились быстро чинить одежду, упряжку, снаряжение, нарты. Научились общаться со многими народностями Севера, понимать их обычаи и язык. Научились спать, где застанет дорога. Научились терпению, выносливости. Научились не терять присутствия духа у грани крайней опасности.

И самое главное...

Я знал, что экспедиция обдумывалась и готовилась Сергеем Соловьевым около десяти лет. Не единожды он побывал с друзьями на Севере – испытывал снаряжение и людей. В исходную точку, на самый Дальний Восток, было отправлено все, что казалось необходимым для экспедиции: около тысячи предметов различного снаряжения. Расчет был такой: собаки потянут груженные нарты, люди пойдут на лыжах. Средняя скорость передвижения – 50 километров за переход.

Но по чукотскому рыхлому снегу собаки отказались (и не в силах были!) тянуть тяжело груженные нарты. Бились несколько дней, облегчая «тонущий корабль» экспедиции, насколько можно: сняли треногу с теодолитом, бинокли, книги по навигации, ножи, топоры, запасы консервов... Но это не разрешило проблему, нарты были тяжелы для собак. Сергей Соловьев: «Тогда хорошенько мы пригляделись: а что берет с собой чукча, отправляясь на собачьей упряжке в тундру? Оказалось, почти ничего! На поясе – нож и кисет с табаком, на нартах – он сам и запас еды для себя и собак».

Экспедиция оказалась перед дилеммой – либо топтаться на месте, либо, доверившись опыту Севера, снарядиться так, как веками снаряжаются чукчи, якуты, эвенки, ненцы – собачий транспорт диктовал именно эти условия...

Нелегко и непросто на это было решиться. На всей привычной индустрии путешествия надо было поставить крест. Одежда, обувь – только местные, из оленьего меха! Запас свитеров, носков, рубашек, шарфов, рукавиц, шапок надо было признать ненужным. Больше того, условия диктовали бросить палатку, отказаться от спальных мешков и решиться, казалось бы, на совсем уже немыслимое – отказаться от керосина. («Отказаться от опасной от него зависимости – керосин мог вытечь, воспламениться, потеряться, когда нарты перевернулись».) Но отказ от керосина – это отказ от огня, а значит, и от горячей пищи, это переход на питание сырым мороженым мясом, мороженой рыбой.

Решились на все! Правильность этой походной революции подтверждал прежний опыт, доверие к образу жизни местного населения, а также присутствие «человека Севера», Филиппа Ардеева, с самого начала предпочитавшего спать не в палатке, а прямо в снегу.

Павел Смолин, надев длиннополую мАлицу и меховые высокие сапоги, показал, как эта одежда служит человеку на Севере чудом и спальным мешком, – «схватил себя ремешком у колен, втянул в нутро малицы капюшон – и можно спокойно ложиться в снег!» «Мы так привыкли к таким ночлегам, что, если даже делали остановку возле избушки охотника, под крышей часто не спали».

Сырое моржовое мясо, нерпичий жир, строганина из рыбы, оленья кровь, сырое мясо добытых охотой животных стали привычной пищей на всем пути. «Была тоска лишь по хлебу. Но мы запасали в поселках его немного, резали на ломти и держали в пути за пазухой». За пазухой каждый держал также и флягу, где таял снег для питья. «Всегда мечтой был чай. Его мы готовили всюду, где была хоть какая-нибудь возможность».

Так люди жили, двигались и работали не день, не два – восемь месяцев! Они впервые за одну экспедицию прошли всю северную окраину нашей страны. Впервые люди были в пути полярной ночью. Никто до них не шел зимой на Севере без палатки. Их образ жизни в походе, экипировка, питание проверены самым надежным способом – пройден намеченный путь, выполнена программа исследований, все они живы-здоровы.

На пути экспедиции были интересные, содержательные пресс-конференции. Шестерке еще предстоит ответить на множество разных вопросов. Я тоже их тормозил. Экономя место в газете, привожу лишь самые краткие из ответов.

Вопрос: – Шесть человек на маршруте – это не вся экспедиция?

Ответ: – Нет. Действовали еще группы обеспечения и связи. «Советскую Россию» мы тоже считаем участником экспедиции.

В.: – Что было самым трудным в пути?

О.: – Уходить от людей. Они остаются в тепле, а ты уходишь...

В.: – Не устали вы друг от друга?

О.: – Нет. Притирку на совместимость мы сделали раньше. Но, возможно, мы могли бы друг другу и надоесть – долог был путь! – если бы шли тесной группой. Но часто наши упряжки разделяло несколько километров, и мы встречались лишь на ночлеге... Экспедицию мы заканчиваем большими друзьями, чем ее начинали.

В.: – Представление в пути о счастье?

О.: – Очень простое: «Хорошо бы никуда не идти...»

В.: – Бывали моменты с тревожной мыслью: «Тут можем погибнуть...»?

О.: – Бывали. Например, могли потеряться, замерзнуть во время пурги.

В.: – В экспедиции были элементы спортивные, или вы настаиваете: основное – научная программа?

О.: – Мы не просто шли, мы работали. И делали все возможное, чтобы выполнить определенную нам программу исследований. Но и просто пройти этот путь, все выдержать, превозмочь – тоже, понятное дело, имеет цену.

В.: – Предмет вашей гордости?

О.: – Сознание, что ты способен на нечто большое и важное. Это не просто приятно, это важно нам сознавать.

В.: – Девиз экспедиции?

О.: – Серьезный – «Вперед!» Шутливый – «Однако пора бы поесть!»

В.: – Проблемы экологии Севера. Они значатся в вашей программе...

О.: – Мы пристально ими интересовались. Проблема отношения к волку... Проблема диких оленей. Проблема транспорта в тундре... Мы видели много хорошего и плохого. Предстоит все это осмыслить.

В.: – Советы людей...

О.: – Больше всего советов давали нам женщины на Чукотке. Среди них самый частый: «Куда вы идете? Оставайтесь у нас».

В.: – Вы видели много людей, приспособленных к жизни на Севере. Есть ли различия в быте и жизни местных народностей?

О.: – Есть. Например, якуты показались нам наиболее добычливыми охотниками, умеющими вместе с тем бережно относиться к природе. Чукчи на побережье не мыслят жизни без собачьих упряжек. А чем дальше на запад, тем большую роль играет олень.

В.: – Остановки в поселках... Как вас встречали? Оставалось ли время на отдых?

О.: – В пути у нас состоялось около двухсот встреч с людьми в охотничьих избах, в чумах оленеводов, в школах и интернатах, в шахтерских поселках. Эти встречи нас окрыляли, но физически приходилось тяжеловато. Надо было собирать нужные нам материалы, заботиться о собаках, чинить упряжь, одежду, а нас, бывало, не отпускали пять-шесть часов. Нередко мы говорили: ничего, отдохнем на маршруте...

В.: – Самые яркие впечатления от природы?

О.: – Много всего! Скалы и океан у мыса Дежнева... Киты в океане... Сияние полярной ночи и сияние снега в тундре при солнце... Громадные стада диких оленей... Встречи с волками, медведями, зайцами, росомахой... Караваны птиц в тундре – это все в нашей памяти.

В.: – Самый яркий интересный человек на пути?

О.: – Больше всего запомнились нам охотники. Люди с суровым образом жизни, добрые, бескорыстные, готовые помочь, поддержать, посоветовать. Среди них самым первым справедливо надо назвать Лебедева Николая Яковлевича. Сорок лет живет на одном месте! Превосходно знает людей и природу. Мудрый и добрый. Великолепный рассказчик. Это он сказал: «Путника уважать надо, как самого себя».

В.: – Ваши отношения с собаками?

О.: – Сентиментальность в этих отношениях исключается. Мы вместе работали, делили еду и тяготы. Это были преданные наши друзья.

В.: – Конец путешествия. Что с ними будет?

О.: – Об этом мы думаем. Одну из упряжек, самую лучшую, сохраним. Очень мечтаем, приложили бы сами к этому силу, организовать питомник ездовых собак. Во многих северных странах такие питомники есть. У нас пока нет.

В.: – Главный вывод в конце путешествия?

О.: – Достойная цель возможности человека делает безграничными.

В.: – Что пожелали бы вы молодежи?

О.: – Не разучиться ходить по земле. И умение видеть на ней все интересное.

В.: – Самый частый вопрос, который вам задавали?

О.: – Зачем идете?

Зачем они шли? Многие, глядя на этих людей, искренне позавидуют: сколько увидели, сколько узнали, превозмогли! Но есть, несомненно, такие, что скажут: чудаки – голодать, рисковать, мерзнуть. Чего ради? Никто не неволил. В том-то и дело, что поневоле это пространство, скорее всего, не осилишь. Только добрая воля, чистые помыслы, желанье увидеть, понять, себя испытать, дать достойный пример другим – вот что двигало экспедицию, обеспечило ей успех.

Это не было, однако, частным делом группы честолюбивых, любознательных, сильных людей. Газета, организовавшая экспедицию, обеспечила ей общественный интерес. Обширные с пути экспедиции публикации привлекли наше внимание к Северу, его облику и проблемам. Для северян этот континентальный переход был событием. Экспедицию всюду ждали, старались ей всячески помогать. Экспедиция многому научилась у северян. Северянам тоже есть к чему присмотреться. Опыт такого похода перестает быть опытом только маленькой группы людей. Он становится важной точкой отсчета человеческих возможностей. И не где-то в далеких странах – у себя дома, на просторах родной земли, еще один раз обозначились лучшие качества россиян: терпение, выдержка, воля к победе. Одного этого уже достаточно, чтобы сказать: экспедиция удалась.

В активе землепроходцев – интересные наблюдения, измерения, исчисления для науки. Нам же интересно в первую очередь то, что видел человек очарованным глазом, что сохранил в памяти, что волновало и поразило людей на пути, интересен подробный рассказ об увиденном-пережитом. Будем ждать его с нетерпением. А сегодня вместе с участниками и организаторами экспедиции мы радуемся успешному ее завершению.

• **Фото автора. 7 июля 1983 г.**

Упряжка

Окно в природу

Как это в песне... «Самолет – хорошо! Пароход – хорошо! А олени – лучше...» Но есть места, где песню могли бы кончать упоминанием собак.

В каждой зоне земли до появления техники человеку служили: ослик, верблюд, вол, лошадь, олень и на Крайнем Севере, где уже и оленю питаться нечем, – собаки.

Сейчас этот транспорт вытесняют вездеходы и снегоходы. И все же собаки остаются на службе у человека. Экспедиция «Советской России», пройдя по Северу десять тысяч километров, подтвердила надежность собак – «выносливы, делят с человеком риск и тяготы путешествия, скрашивают его одиночество, не требуют бензина и запасных частей».

На этом снимке вы видите руководителя экспедиции Сергея Соловьева с самым выносливым псом упряжки Амуром. Сергей считает: в результате отбора и выучки за большую дорогу его упряжка сейчас – лучшая на всем Севере. А этот Амур – силач и добряга – основная фигура в упряжке. Правда, первым в цуге ставит Сергей другую собаку, Дружка, – конкурента Амурса, «интеллектуала», берущего не силой, а сообразительностью и послушанием. Дружок меньше ростом, но он не пускается очертя голову за зайцем или оленем (Амур это может), знает команды: «хок, хок!» – вперед! «пытьпо!» – направо! «кух! кух!» – налево. На остановках Амур и Дружок ревниво ловят момент вот так посидеть с хозяином рядом, лизнуть его в щеку.

Всего в упряжке обычно восемь – десять собак. Каждая тянет груз, примерно равный своему весу. Таким образом, вместе с нартами он может достигать трети тонны. «Горючее» для транспорта – моржовое, оленье, нерпичье мясо, сушеная или мороженая рыба. Норма – килограмм мяса или два кило рыбы. Кормление – в конце дня, перед ночевкой, ибо «сытые собаки – не работники». Суровые условия Севера иногда заставляют голодать в пути и людей, и собак. Свой кусок собака никому не уступит, а вся упряжка нетерпима к «сачкам», тянущим груз впольсилы, а также к тем, кто способен украсть. В экспедиции три собаки, имевшие слабость поживиться за счет другого, были разорваны в клочья. На Севере хорошо знают: «Голодная упряжка может сожрать каюра».

Сергей Соловьев и Амур.

Взаимоотношения человека с собакой в этом суровом содружестве лишены сентиментальности. Каюр должен внушить собакам, кто есть хозяин, должен заставить их слушаться. Только силой можно разнять дерущихся псов, и они запоминают: возмездие за удовольствие подраться неотвратимо, непослушание тоже будет наказано. Команды в несъезженной упряжке поначалу приходится сопровождать применением силы. Но постепенно уже только слова довольно, чтобы ускорить бег, взять подъем, повернуть в сторону.

Строгие отношения дружбы не портят. Собаки знают и любят каюра. Он, в свою очередь, понимает: нередко сама жизнь его зависит от возможности собак двигаться, и, голодая сам, отдает свою долю пищи собакам. Таким образом, возникает прочный союз, идущий дальше традиционной дружбы собаки и человека.

Среди упряжки есть псы особо преданные – «возвращенцы». Они вовремя замечают: каюра на нартах нет (нечаянно соскользнул, столкнуло торосом). Пес-«возвращенец» вернется, найдет каюра, не даст остаться ему (часто на верную гибель) среди холодной пустыни. Известен случай, собаки притащили к жилью сломавшего ногу погонщика на куске шкуры.

Отношения с окружающим миром у ездовых собак не всегда предсказуемы. Голодные, они могут ринуться к туше убитого зверя, и их невозможно остановить. При виде волка

(наблюдения экспедиции) они боязливо поджимают хвосты, а заяц может в них пробудить столь великий азарт, что каюр теряет над ними всякий контроль.

У собак, выращенных на побережье Чукотки и никогда не видавших оленей, эти животные вызвали кровожадный инстинкт. Несколько встречных оленей были ими разорваны. Увидев издали стадо или упряжку оленей, участники экспедиции направляли свой лающий транспорт в обход.

Для езды в упряжке народами Севера выведена специальная порода собак – ездовая лайка. Это густошерстные, мускулистые, приземистые собаки, способные притереться, сплотиться в упряжке, тянуть нарты и слушаться человека. Запрягают их в разных местах по-разному: цугом (друг за другом) или веером. В экспедиции все шесть упряжек шли цугом, как были приучены на Чукотке. Собаки этого края показали себя лучшим образом. Две трети из них прошли со своей родины весь путь до Мурманска.

По наблюдениям участников экспедиции, селекция ездовых собак в последние годы запущена, и хорошего пса почти всюду добыть было трудно. В пути приходилось вести выбраковку, пополняя упряжки дареными и покупными собаками. «Цена хорошей ездовой собаки 30 – 40 рублей. Но такие псы, как Амур, всегда останутся на себе особое внимание. И на «аукционе», который стихийно может возникнуть среди охотников, цена в азарте может подняться до пяти-шести сотен рублей».

В экспедиции, в самом ее начале, был один только по-настоящему опытный каюр. В конце же пути собачий поезд отлажен был до желанного совершенства. Стремление работать у хорошо съезженной, неутомленной упряжки является потребностью. Собаки немедленно вскакивают, если видят хозяина на ногах возле нарт. Но, оказавшись в упряжке, они поднимают ревнивый неистовый лай, если часть их собратьев бежит на свободе.

«По хорошему насту в апрельский день наши упряжки могли пробежать за один переход более ста километров. Но наилучшая, не изматывающая собак, «крейсерская скорость» – 60 – 70 километров, – сказал Сергей. – Приходилось беречь и лапы наших друзей. По насту они их стирали. В дело пошли чулки из капрона, загодя заготовленные».

В большом северном переходе многое было испытано. Великолепно выдержали испытания и собачьи упряжки – надежный транспорт, способный кое-где конкурировать с вездесущим мотором.

• **Фото автора. 17 июля 1983 г.**

Вполголоса...

Окно в природу

Я лежал в сухих травах, караулил переход из леска через тракт двух лосей. И вдруг прямо над головой прошуршала и села на провода черная туча. Скворцы! Их было не меньше тысячи. Четверть минуты стоя сидела молча, потом вдруг сразу заверещала, засвистела, защелкала – нестройный, негромкий, вполголоса хор. Общая, но будто спросонья приглушенная песня. Пролетающий кобчик стаю спугнул, но, мелькнув причудливой сетью, скворцы снова сели на провода. И опять верещанье...

Время песен – весна. С сенокосом птицы стихают. Но осенью вдруг наступает пора, когда вновь слышишь песню. Поет у дуплянки скворец. Глухо бормочут где-нибудь на опушке тетерева, ворона вдруг начинает по-весеннему каркать, пригибаясь на ветке.

Но песни все-таки не весенние. Без большого азарта, вполголоса, как будто вспоминая весну, поют по осени птицы. В это же время, случается, зацветает вдруг груша, на яблоне появляется цвет. Стоишь озадаченный... «Совпадение осенних и весенних температур ввело в заблуждение грушу», – скажет биолог. Верно. Похоже объясняют и поведение птиц. Но поэты на эти явления смотрят иначе. Им кажется: все живое грустит о весне, все хочет ее повторенья. Примиряющая всех истина состоит, наверное, в том, что осень тоже дарит нам дни и часы с весенними всплесками жизни.

• Фото автора. 27 августа 1983 г.

Летний багаж

В Хакасии, в Абакане, встретил я друга-воронежца, осевшего в этих краях с года окончания института и прошедшего путь в лесном деле, как говорят, от лейтенанта до генерала. Прямо после объятий Николай Николаевич взялся меня укорять: «Как же так... ваша газета... не заметить такое дело».

В июле в Шушенском (том самом Шушенском!) проходил всесоюзный слет школьных лесничеств. Николай Николаевич жил этим делом целое лето, много сил положил, чтобы слет удался по всем статьям, и был огорчен, что газеты шушенский слет проглядели. «Поедем-ка, покажу, где это было...»

В лесу у поселка, привлекая туристов, желтела крепость из свежих сосновых бревен. Резные ворота, за воротами – целый мир: избушка на курьих ножках (полная карт, чертежей, фотографий), рядом – копенки сена, навесы с едва увядшими вениками для зимней подкормки зверей, лесные машины, образцы распиленных бревен, лесные посадки, скамейки. А в лес уходили дорожки, на которых недавно почти восемь сотен юных лесничих состязались в знаниях леса, хозяйской смекалке, в понимании законов природы. Даже и теперь, без детворы, место это было на редкость привлекательным, и легко представлялось, как хорошо, интересно было тут ребятишкам, какие страсти кипели на этом лесном ристалище.

– Увы, Николай Николаевич, поезд ушел...

– Ладно, – сказал «лесной генерал», – но я покажу тебе парня, который особо тут отличился.

Через день рано утром ко мне в гостиничный номер Николай Николаевич подтолкнул сзади деревенского мальчугана лет десяти, в лесном форменном картузе. Мы поздоровались по-мужски. Пили с сушками чай. И потом говорили. О лесничем – его отце. О его матери, тоже лесничем. Об Озерном лесничестве. О заготовке сена. О коровах и лошадях, о медведях, которые с прошлого года из тайги заходят в посаженный лес.

Передо мной был «мужичок с ноготок», искушенный в деревенском житье-бытье, в лесных заботах матери и отца, с мозолями на ладошках. Звали его Володей. «Владимир Лосевский», – сказал он серьезно, когда пожимал мою руку. На слет Владимира взяли лишь «наблюдателем» – мал по возрасту для участника. Но в хакаской команде заболел парень-девятиклассник, и команда добилась специального разрешения в замену поставить этого шпингалета.

Владимир застенчиво трет кулаком веснушчатый нос. Ему и приятно, и очень непросто вспоминать-пересказывать все, как было там, в Шушенском, на этапах. «Первый вопрос мне вышел: биологические особенности сосны... Ну, я рассказал: неприхотлива, светолюбива, на всяких землях растет. Сказал, что кедр – это тоже сосна. Рассказал про орехи, что в них полезного есть, сколько кедры живут, как растут. Рассказал, чем сосну отличают от лиственницы...»

Семь столов стояло в лесу на тропинке маршрута, и вопросы у каждого задавались нелегкие. Владимиру надо было по цвету различить удобрения – калийные и фосфорные. Потом показали вредителей – называй! «Я назвал без ошибки соснового и елового усачей, бронзовку, долгоносиков, бражника, златок и шелкопряда. Сказал, почему показанный шелкопряд называют непарным... Потом разложили инструменты – выбирай, какой нужен, и покажи прививку дерева черенками! Я все соблюл: длину черенка, количество почек, правильно все отрезал, сделал посадку». Были вопросы по Красной книге растений, по заповедникам. Набрал наш Владимир 97 очков из 100 возможных и оказался в центре внимания. «Но я не первое место занял, – посчитал он нужным теперь заметить, – трое ребят все сто набрали...»

Лесовик Володя Лосевский и десятилетний землепроходец Митя Константинов.

«Так ведь им по шестнадцать, а тебе сколько? В шестнадцать ты больше ста наберешь». Проводив одиннадцатилетнего лесовика на поезд, мы с Николаем Николаевичем еще долго говорили о нем.

– Хороший сын хороших родителей?

– Да, отец и мать понимают, как надо воспитывать ребятшек. Но у них там не только свои такие...

Позже я познакомился с Володиной матерью – Прасковьей Яковлевной Лосевской. (Мир тесен, она оказалась тоже воронежской – из Хреновского лесного техникума.) Тут, в Озерном, ожидала ее земля, покрытая свежими пнями: совнархоз на местные нужды состриг знаменитый Черноозерный лес. Надо было без промедленья его восстанавливать. Прикинув возможности, молодой лесной техник Прасковья Лосевская поняла: главная сила в этой работе – дети.

Бывают счастливые совпадения – лесной специалист оказался способным, вдумчивым педагогом. Для учрежденного ею школьного лесничества Прасковья вместе с ребятами написала устав («Клянусь быть вашим защитником, деревья, травы, птицы и звери. Обещаю верность и любовь к природе пронести через всю жизнь» – это последняя строчка и ныне действующего устава). Сама, с тремя матерями, сшила Прасковья для юных лесников форму. Для себя записала короткую заповедь: «На треть – игра, на треть – учеба, на треть – работа, серьезная, такая, чтобы мозоли были и чтобы виден, поучителен был результат».

То было в 1968 году. И вот они, результаты. Посажен и выращен лес. Четыре тысячи гектаров! Из них 1200 посажено и выращено ребяташками! Они ловили в этом лесу порубщиков и мусорщиков, развешивали дуплянки и веники для животных, косили сено, собирали грибы и ягоды, научились пользоваться лесными машинами, радиостанцией. Более тридцати из них (в том числе дочь Прасковьи Яковлевны – Людмила) после окончания школы поступили в лесные вузы и техникумы, окончили их и работают в лесном хозяйстве страны.

«Но и те, кто остался в поселке, связаны с лесом. Связаны жизнью, – Прасковья Яковлевна показывает мне снимки не ребятишек, а уже взрослых людей со своими детишками, сидящими на поляне у сосняков. – Вовремя научились любить и пользоваться лесом. И лес растет. В него и правда уже заходят медведи».

– За Володьку, наверное, рады?

Прасковья Яковлевна просияла.

– А как же – сын... Но уж поверьте, когда с ними вот так возишься, они все становятся, как родные. О каждом сердце болит.

На той же неделе, возвращаясь с Николаем Николаевичем Савушкиным от прошлогодних моих знакомых Лыковых, мы пролетали над Абаканом и вдруг заметили: плот! Попросили вертолетчика снизиться, сделать круг, поглядели на реку в бинокль... плот! А на плоту стоят, машут руками десятка два ребятишек. Абакан в верховьях своих очень строг. Проплывая на лодке, я мог в этом сам убедиться. На плоту, правда, проще. Но дети!.. «Это, наверное, те, что в самом начале лета приходили регистрировать свой маршрут. Боимся пожаров, и все таежные переходы обязательно регистрируем. Кажется, это 10-я школа»... – прокричал мне на ухо Николай Николаевич.

За делами маленький путевой эпизод я успел позабыть. Но «лесной генерал», ставший большим патриотом хакасского края, ничего не забыл, все разведаль, проверил и позвонил мне рано утром в гостиницу. «Через сорок минут выйди на площадь – увидишь тех самых ребят... Ну, которые на плоту. Вчера вернулись».

Через сорок минут я их увидел – учитель и пятнадцать учеников, младшему десять лет. Традиция: сразу же после похода собираются тут, на площади, «спеть две-три песни».

На этот раз «10-я школа» (так они себя называют) прошла 160 километров в таежных Саянах пешком и еще 300 – по горной реке на плоту. Я глядел на этих ребят с изумлением.

– Признайтесь, бывало и страшновато, и тяжело?

Дружное: «Не-е!..»

– Ну, а родителям?

Понимающе засмеялись...

– А вам? Признайтесь, рюкзак за плечами для вас – не главная ноша, – спросил я учителя физики Черткова Олега Николаевича, когда мы сели поговорить уже без ребят.

– Да, это так, – сказал учитель, протирая очки. – Все так. Но как же иначе? Кто-нибудь эту ношу ведь должен нести. Иначе что из них вырастет – тепличные лилии и нарциссы.

– Устали очень?

– Устал. Но, по опыту знаю, скоро пройдет.

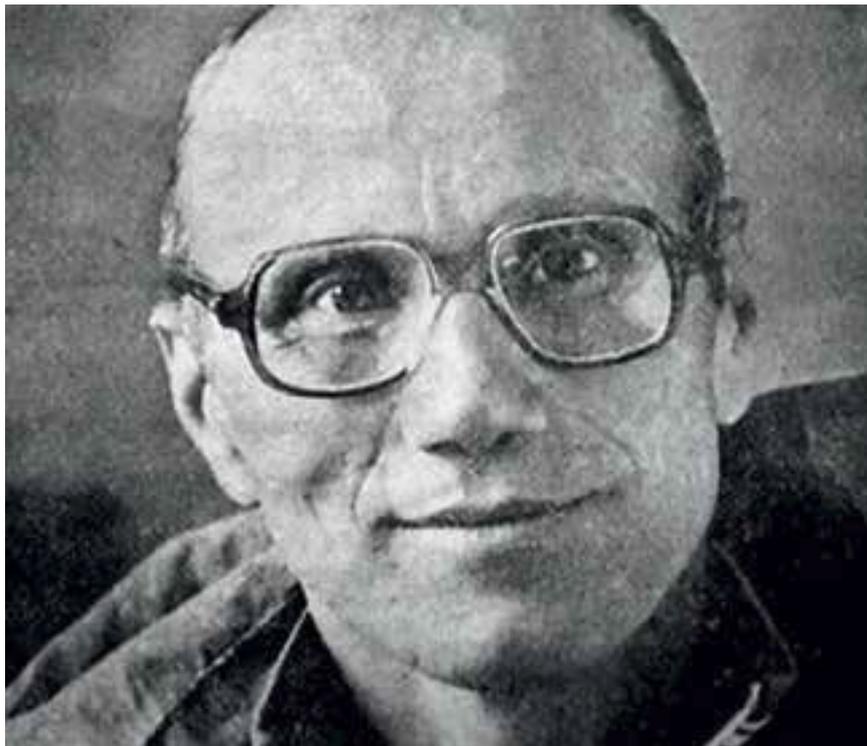
У Олега Николаевича это был тридцать девятый таежный поход. Ходил сначала учеником (вспоминает учителя географии этой же школы Константина Сергеевича Метелкина), теперь вот каждое лето водит других. «Никто, разумеется, не неволит – сам. Долг. Главная ноша ложится на плечи в тот день, когда в гороно издается приказ: 1. Разрешить поход по маршруту... 2. Возложить ответственность за жизнь и здоровье детей на учителя такогото... И я расписываюсь».

– А что родители?

– Большинство мне полностью доверяют и просят: возьми моего. Другие побаиваются. Мы не скрываем: поход без риска не бывает. Берем при условии полного понимания этого.

– Степень самостоятельности ребят в походе?

– Все – сами. Своя сильная ноша (личные вещи плюс коллективный груз), костер, ночлег, варка еды. Первый раз собираю всех и показываю. А потом уже двое дежурных делают все, как положено. (Смеется.) Не бывает такого, чтобы что-нибудь не сварили. Манная каша и чай во всяком случае превосходно у всех получаются.

Учитель физики Олег Николаевич Чертков.

– Главные тяготы...

– Их, в общем, немало. Терпеть, например, комаров, идти под дождем (снимаемся с лагеря утром, в любую погоду), понимать, что дежурство – святое дело и что никто, кроме тебя, не понесет твой рюкзак.

– Бывает, что хнычут?

– Не помню ни единого случая! Бывало, скисали взрослые, которым казалось: ну раз идут ребяташки, я-то пройду... А дети – нет! Даже после самого трудного перехода – обязательно песни.

– Идете по тайге целиной?

– Да, без дорог, вдоль речек и по звериным тропам – карта и компас. Потерялся – никакая сила не сыщет. Постоянно считаю! Вышли – считаю, в пути считаю, пришли – сосчитал. Расслабляешься, лишь когда потушим костер и уляжемся спать.

– Понимаю, много всего надо предусмотреть наперед: предвидеть опасность, уберечь от случайностей. Но случайности состоят как раз в том, что их невозможно предвидеть...

– Если бы нехороших случайностей было много, мы давно бы уже не ходили. Мое дело – свести их к минимуму. Но бывают, конечно. В этот раз Митя Константинов (видели, прыгает на одной ножке?) ступил случайно в золу костра. А она не остыла. В результате – волдырь во всю подошву ноги. Но были уже на плоту, ничего страшного – мазь Вишневского, бинт...

– Плакал?

– Нет. Мать (учительница нашей школы Людмила Дмитриевна, постоянно ходит в походы), она, увидев обожженную ногу, ушла в лес украдкой поплакать. А он ничего, только морщился. А ведь десять лет всего парню. В этом сила похода. Дома, возможно, кто-то бы хныкал. У нас же слез не бывает.

– Но у вас самого бывают, наверное, ситуации – хоть заплачь?

– Важный урок для них и то, как взрослый ведет себя в ответственных, трудных моментах.

– Ну например...

– В прошлом году, например, Таня Шаламова оступилась на перевале, повредила колено. Пришлось оставить всех у палаток, а ее двенадцать километров нести на закорках. Пять часов нес.

– А куда?

– Определяя маршрут, мы берем на учет все точки, где может быть человек. В первую очередь смотрим: есть ли геологи? Геологи нас понимают, пожалуй, даже и любят. У них получаем любую помощь. В тот раз для Тани вызвали вертолет.

– Бойтесь болезней?

– Боимся аппендицитов. Простуды – нет! Простуд не знаем. И это удивительно. Ноги мокрые целый день, вброд переходим холодные горные речки, в палатке, как пчелы, бывает, отогреваем друг друга. Но ни чиханья, ни насморков! Того более, до походов у парня, знаешь, жалобы были: то горло, то насморк. Стал ходить – все куда-то исчезло.

– Каждый поймет, как много всего получают подростки в вашем походе. Но самый главный багаж?

– Ну как тут все перечислить... Уроки терпения, мужества, товарищества, узнавание себя – где этому можно еще научиться? На школьных занятиях? Нет. И дома – ну, в магазин сбегал, подмел комнаты, ну посуду помог перемыть... А нужны серьезные, не игрушечные трудности и препятствия. Одолевая их, человек растет, закаляется. В деревнях, присматриваюсь, эту школу дети все же проходят. А с городскими – беда. Пионерские лагеря, с их боязнью всего на свете, с их запретами и тепличностью, дают лишь очень малую долю всего, что должен получить школьник летом. Ну вот и ходим. Рисуем немного. Я – больше всех. Но как же иначе, иначе нельзя...

Иначе нельзя! Лето должно давать растущему человеку не только загар. И низкий поклон в последний день лета всем, кто об этом не забывает. Поклон лесничему Прасковье Яковлевне Лосевской, поклон учителю физики Олегу Николаевичу Черткову, всем, кто делил с ребятами жизненный опыт, кто помог им окрепнуть, научил их всему хорошему, что пригодится и вспомнится в жизни.

• **Фото автора. Хакасия. 31 августа 1983 г.**

Таежный тупик

Год спустя

И вот опять Абакан. Лечу, подмываемый собственным любопытством и наказом читателей, близко к сердцу принявших все, что было рассказано в прошлом году о семье Лыковых, наказом: «Непременно там побывайте, мы ждем».

В спутниках у меня опять Ерофей и еще земляк-воронежец, ныне начальник управления лесами Хакасии Николай Николаевич Савушкин, летящий отчасти из любопытства, отчасти по моей просьбе, связанной с житьем-бытьем «робинзонов». Погода неважная. Вертолет скользит по каньону, повторяя изгибы своенравной реки. Чем ближе к истоку, Абакан становится уже, все чаще видишь по руслу завалы бревен. Вот уже «щеки» – две высоченные каменные стенки, между которыми упруго льется вода. Поворот от реки в гору, и мы уже над знакомым болотцем. Так же, как в прошлом году, кидаем из зависшего вертолета мешки, следом прыгаем сами. Знак рукой летчику – и привычный мир жизни вместе с утихающим грохотом исчезает.

Карп Осипович.

Находим тропу от болотца, идем по ней минут сорок. По случайному совпадению – тот же июльский день, что и в прошлый приход. Но начало этого лета было холодным. И там, где мы видели ягоды, сейчас пока что цветы. Запоздало пахнет черемухой. Картошка на лыковском огороде только-только зазеленела. Робко синее полоска ржи. Горох, морковь, бобы – все запоздало ростом едва ль не на месяц.

Возле хижины шаг замедляем... Перемены? Никаких совершенно! Как будто вчера мы стояли под этим вот кедром. Тот же дозорно настороженный кот на крыше. Та же птица оляпка летает над пенным ручьем. Мои забытые кеды с подошвой из красной резины лежат под елкой.

Окликать в этот раз хозяев нам не пришлось – в оконце увидели наш приход. Оба, как большие серые мыши, засемили из темной норы навстречу.

– Ерофей! Василий Михайлович!.. – Радость искренняя, такая, что полагалось бы и обняться. Но нет, приветствие прежнее – две сложенные вместе ладони возле груди и поклон.

И сразу же оба захотели предстать пред гостями в незатрапезном виде. Карп Осипович тут же, скинув валенки, надел резиновые сапоги, затем нырнул в дверь, вернувшись в синей, помятой, но чистой рубашке и, достав из-под крыши, надел одну из трех, нанизанных друг на друга войлочных шляп, доставленных кем-то из щедрых дарителей. Из бороды старик вынул пару соломинок и придал ей двумя пятернями подобающий случаю вид. Агафья тем временем облачилась за дверью в темно-бордовую до пят хламиду, сменила платок и тоже надела резиновые сапоги.

Красный ковер гостеприимства в виде ржаной прошлогодней соломы был приготовлен нам в хижине. Тесная, закопченная конура заметно от этого посветлела. И даже воздух в ней полегчал. Хозяева это вполне понимали. Им было приятно позвать нас под крышу. Агафья явно ждала похвалы. И приняла ее благодарно, ухмыляясь по-детски в кончик дареного прошлым летом платка.

На этот раз я привез им главным образом то, что прислали «для передачи в тупик» сердобольные наши читатели. Шерстяные носки, материя, чулки, колготки, плащ, одеяло, шаль, варежки, кеды – принято все с благодарностью, с просьбой «отписать за милость всем добрым людям». Продуктов, кроме крупы, Ерофей посоветовал не везти. Крупу они взяли. «Это рис, – заглянув в мешочек, сказала Агафья. – А это це же?». «Это, – говорю, – тоже рис, другого сорта, вьетнамский». «Тянька, погляди-ка, рис, а чудной – палочки...»

Всего более старика обрадовала связка в пять дюжин добротных свечей и карманный фонарик. К свечам тут успели привыкнуть и уже в них нуждались. Фонарик вначале возбуждал необычным своим свечением подозренье.

– Машинка... – сказала Агафья, подозревая в железной коробочке фотокамеру.

Старик же не испугался потрогать кнопку, посветил в печку, под лавку, в стоявший возле постели валенок и, к нашему удивлению, не сказал обычного: «Это не можно». «Бог вразумил измыслить такое. Ночью-то славно, раз – и зажег».

Не принят был последний из наших подарков. Один из наивных или, может быть, хитроумный читатель газеты прислал в конверте десятку денег – «для Лыковых».

– Це такое – бумажка... – отпрянула в угол Агафья.

Все вместе попытались мы объяснить, что значит эта бумажка.

– Мирское... – посветил фонариком на десятку старик. – Уж сделайте милость, спрячьте, для нас греховное это дело.

Такой была встреча.

Ужинали... Мы ели у костерка в окружении кошек, истосковавшихся по мясным запахам. Агафья и дед торжественно у свечи вкушали кашу из вьетнамского риса. К совету – положить в кашу принесенного в дар медку – прислушались.

– Райская еда, – сказал старик, собирая в щепотку с коленей зернышки риса. – И для брюха, чую, – истинный праздник.

Услышав жалобы на живот, Николай Николаевич с Ерофеем пропели гимн меду и заодно молоку.

– Ведомо, ведомо... – согласился старик грустновато. Но вдруг встрепенулся: – Имануху (козу) можно, поди, вертолетом сюда? – Но сам же пресек внезапную вспышку фантазии. – Имануха... А ить козел еще нужен, без козла какое же молоко...

Разговор вечером был о том, главным образом, как жили с прошлого года, как зимовали. И все касалось еды, одежды, тепла.

Картошка в прошлом году уродилась хорошая. Но в первые дни сентября выпал снег – пошли к геологам, попросили помочь. Те немедля пришли. Картошку выбрали всю – двести пятьдесят ведер. Собрали также тридцать ведер репы и редьки, пять ведер ржи, мешок гороха в стручках, морковку. Осенью, рискуя простыть, старик ловил рыбу и добыл два ведра хариуса. Но впервые жили совершенно без мяса. Старый сушеный запас, сделанный еще Дмитрием, вышел, нового сделать не удалось. Агафья насторожила три ловчие ямы, «но ништо не попало».

Зима, по словам старика, была нехорошая, «мокрая и вельми долгая». Сидя лишь на орехах, картошке, ржаной похлебке, репе и редьке (рыба кончилась в январе), «вельми ощадали». В марте, зная, что рыба в это время не ловится, старик спустился все же к реке и неделю провел у воды с удочкой, изловив одну случайную «рыбицу чуть побольше ладони».

Появляясь в поселке геологов, «таежники» твердо, однако, держались своих запретов – ни хлеба, ни мяса, ни рыбы, ни каши, ни сахара! «Не можно» – и все!

И все же первый маленький шаг к запретному сделан. Ерофей с поварихой уговорили их взять, кроме соли, еще и мешочек крупы. Отношения с богом в таежной избе из-за гречки, как видно, не осложнились. В очередной приход не упрямились, взяли пшено и перловку. Потом Ерофей познакомил их с рисом.

Агафья выглядела сейчас здоровее, чем в прошлое лето, хотя то и дело жаловалась на боль в руке. Лицо из мучнисто-белого стало у нее смугловатым.

– Морковку любишь? – спросил я, проверяя предположение насчет каротина.

Заулыбалась. Поняла как намек, побежала с берестяной посудой в погреб.

Карп Осипович за год заметно сдал. Ссутулился, тише стал говорить – слышать его можно, лишь сидя в двух-трех шагах. Озабочен видами на урожай таежный и огородный. Картошка обильной быть не сулила. Зато хороший в этом году урожай в кедрачах. Но тоже забота – как орешить? «Я на кедру влезть уже не могу. Агафья боится – ну, как рука онемееет?» Колотом бить? Раньше не били, берегли кедры, теперь же и силы для колота нет. А орехи обильно родятся только в три года раз. Ерофей ободряет: «Поможем!» Помогут старик, привыкший к жизненной автономии, принимает как терпимую крайность. Но эта крайность на виду у него разрастается, становится неизбежностью. И что поделаться? В вечерней молитве помянул во здравии Ерофея и «деток его», и многих людей «из мира», от коего хоронился и без которого, теперь уже ясно, долго не протянул бы.

После беседы с богом старик поменял гостевую рубаху на затрапезную, снял сапоги и, кряхтя, водворился на травяную постель у печки. Умолкла в своем уголке и Агафья.

Стеариновая свеча, пока не спим, не потушена. Самое светлое место в избенке – пол, покрытый соломой. На ней мы втроем устроились на ночь, положив в голову мешок с прошлогодним немолоченным горохом...

Некрепок был сон. Стонала от боли в руке Агафья. Старик в практическом деле проверил лежавший у него в изголовье фонарик. Освещая себе дорогу около спавших, он скрипнул дверью... Вернувшись, несколько раз включал-выключал дареную штуку, проверял надежность необычного света.

А проснулись мы утром от ударов кресала о кремень – Агафья испытанным способом добывала огонь для печи.

Не терпелось, понятное дело, узнать: ну а как «мирская» волна любопытства и сострадания к этому аномальному закутку жизни докатилась сюда? И как ее приняли? Кое-что в письмах и по дороге сюда Ерофей мне рассказывал. «Парадный прием», оказанный нам, тоже кое о чем говорил. И все же?

– Карп Осипович, видели вы газеты с рассказом о вашей жизни?

– Как же, как же, Ерофей в аккуратности все передал.

Старик ведет меня к поленнице дров, сложенных под навесом избы, достает лежащий между поленьев, бечевкой перевязанный круглячок – прошлогодний, уже пожелтевший комплект «Комсомолки».

– Сумели прочесть?

Старик простодушно сказал, что нет, не сумели. «Будто бисер – писанье. Глаза от натуги слезятся». По той же причине, а также по «непонятности слов» не осилила «в миру» нашумевшую публикацию и Агафья. Место хранения газет и два-три нечаянных слова дают основание думать: сочли греховным читать. Но содержание «жития» им было, как видно, в подробностях пересказано. «А маменька-то на кедру не лазила. Боялась», – смеясь, уличила Агафья меня в неточности.

– Люди знают теперь, как живете...

Обстоятельство это, как видно, тут обсуждалось, и было, наверное, найдено: ничего дурного в том нет.

– Родня у нас отыскалась... – Теперь Агафья, тоже из поленницы дров, достала пожелтевшую, изрядно помятую фотографию. На снимке – две женщины и два громадного роста бородача. Оказалось, нашлись у Агафьи двоюродные братья по матери.

– Поди, и жить зовут к себе на Алтай?

– Едак, едак, зовут. Да нам-то не можно. Мирское житье-то у них.

– А фотография отчего же в дровах? В избе-то лучше бы сохранилась.

– Не можно! – сказал старик. – С божественным ликом под единою крышей это держать не можно.

Вот такие оказались дела с печатным «бисерным» словом и со всякими ликами. Чтобы к этому больше не возвращаться, полез я в рюкзак, достал подарок, который вчера не спешил отдавать. В картонном пакете упакованы были снимки и номер журнала «Советское фото» с рассказом о том, как не просто было тут с фотокамерой. Рассчитывал так, увидят карточки и поймут: ничего страшного! И можно будет тогда их как следует поснимать. Отдельно и очень старательно, с негатива геологов напечатал я снимки умерших: Натальи, Дмитрия и Савина. Показываю фотографии одну за другой. И вижу на лицах Агафьи и старика великое замешательство – не знают, как быть. С одной стороны – дорогие близкие лица, с другой – богопротивное дело – лик на бумаге. Чувствую, путь к фотосъемке это дарение мне не открыло. Аккуратно собрал все в пакет, отдал. «Ваше. Делайте что хотите». Наутро увидел пакет завернутым в бересту. И где же? Все там же, в дровах под навесом.

А вот потрепанную «Псалтырь», присланную мне какой-то старушкой с просьбою «Лыковым, прямо в руки», старик и Агафья сейчас же понесли в хижину и битый час у свечи читали, сличали со своей «истинно христианской» «Псалтырью», и нашли, что книга «испоганена никонианством».

– Много, я вижу, расплодилось никониан, – философски заметил Карп Осипович во время спокойной беседы, – много...

Чувствовалось, в ряды никониан относит он также и нас с Ерофеем. Николая Николаевича, представленного ему «начальником над лесами», геологов, вертолетчиков, всех, кого знал...

– Идеино крепко, – пошутил Ерофей у костра, вспоминая эту беседу. – Вы, мол, пишите и говорите, а наше дело с Агафьей картошку сажать да молиться двумя перстами...

– Карп Осипович, вот вы говорите: «никониане, никониане...» А ведь люди-то не дурные, помогают, добра вот всякого понаслали...

– Едак, едак, – поспешно, искренне согласился старик. – Сердцем не очерствели. Нас, грешных, жалеючи, много всего прислали, без меры много.

Хижина Лыковых похожа была в это лето на некий таежный перевалочный пункт. Казалось, вот-вот нагрянет сюда трудовая артель, возьмет молотки, топоры, лопаты, гвозди, рубанки, куртки, плащи, сапоги и возьмется тут за работу. Навес у избы буквально забит был подарками, пришедшими с адресом: «Абаза, Ерофею, для Лыковых». Ерофей все сюда добросовестно переправил, даже керосиновую лампу, даже ожерелье из янтаря (тоже хранилось в дровах).

– А это це же такое? Забава или нужное це? – спросила Агафья, вынув из берестяного хлама вишневого цвета зонтик.

Я показал, как этот прибор открывать, рассказал, для чего он может годиться. Взяв в руки зонтик, Агафья весело захихикала, вполне понимая, что выглядит с этой штукой «из мира» очень забавно...

Телевизор – особая тема в этом рассказе. У геологов он появился в прошлом году, и можно представить, с каким нетерпением ожидали очередного прихода в поселок Агафьи и старика. «Зрелище было двойное, – вспоминает сейчас Ерофей. – Для Лыковых – телевизор, для всех остальных – у телевизора Лыковы».

Все было им интересно: поезд идет, комбайны в полях, люди на городской улице («господи, много-то, как комаров!»), большие дома, пароход. Агафью взбудоражила лошадь. «Конь! Тятенька, конь!» Лошадь она ни разу не видела, но представляла ее по рассказам. И вот рассказ подтвердился. Старик же заерзал, когда по реке летела «ракета». «Баско, баско! (Хорошо, значит). Вот это лодка!» Увидев на сцене самодеятельность кубанских казачек-старушек, Карп изумился: «Э-э, греховодницы. Молиться надо, а они пляшут». В ужас Агафью повергла встреча боксеров. Вскочила и убежала. И можно это понять: голые мужики дубасят друг друга огромными кулаками, а кругом люди.

«Греховное дело», – сказали о телевизоре дочь и отец. Однако сей грех оказался для них непреодолимо влекущим. Изредка появляясь в поселке, непременно садятся и смотрят. Карп Осипович садится прямо перед экраном. Агафья смотрит, высунув голову из-за двери. Прегрешенье она стремится замаливать сразу – пошепчет, покрестится, снова высунет голову. Старик же молится после усердно и за все разом.

Были у меня поручения двух московских друзей. Историк просил разузнать поприлежней, как Агафья «держит за хвостик время»? «Все ты можешь и не понять, но вот ориентиры: пользуется ли она термином «вруцилето»? В ходу ли понятие «солнечный круг»? Книгами в помощь могут ей быть «Устав» и «Псалтырь»...

Все я старательно расспросил. И Агафья приложила уйму изобретательности, чтобы мог я понять ее непростое искусство жреца-хроникера. Не понял! Но другу публично сейчас сообщаю: книги и термины – те же самые, во внимание также берутся сроки рожденья Луны. Все вместе, как в нашем разговоре предполагалось, – допетровский счет времени на Руси.

Из Института русского языка мне дали большую, на трех листах, инструкцию, как улавливать тонкости говора, и просили запоминать слова необычные, непонятные. Улов

мой, признаюсь, ничтожен – уместится в двух-трех строках: имануха (коза), лопати́нка (одежда), ба́ско (хорошо, славно), ланись (прошлым летом), хлами́на (дом), путики (грибы сыроежки)...

Кое-что выяснил для себя... Огороды свои Лыковы удобряли – сжинали таежные сочные травы и не сушили их, а в кучах гноили. Домашних животных не держали, потому что «не было племя». Семена у картошки за сорок лет с лишним ни разу не обновлялись, но картошка продолжает превосходно расти, хорошо сохраняется и вкуса отменного.

Агафья. Лето этого года.

«Как лечили Лыковы зубы?» – просил узнать один из наших читателей. Агафья сказала: «Молитвой. Если молитва не помогала – держала открытый рот над горячей картошкой». Спросил о вырывании зубов. Этот вопрос не поняли – «зачем вырывать зубы?» «Есть ли в здешней тайге русалки, лешие, ведьмы?». Старик и Агафья серьезно посоветовались и сказали: «Ни разу не видели». Сожалеют или радуются, что встретили людей? «Поначалу так было боязно. А сейчас нет. Без людей пропадем». Почему бы не двинуться к людям поближе? Ведь предлагают геологи вблизи от поселка срубить избу, помогут и с огородом. «Нам это не можно... Тут прижились».

После этой беседы Агафья сходила в избу и вернулась с ружьишком, старенькой, перебинтованной изолентой «тулкой» двадцать восьмого калибра. Ружьишко прислал отец Ерофей – «примите, как милостыню». Агафья подарок уже опробовала. «Принесла двух рябцов», – похвалился старик.

– А чего бы тебе самому не стрельнуть? – сказал Ерофей.

Карп загорелся. Стали искать, во что бы стрельнуть. И я укрепил на пенечке старую кеду подошвой к стрелку.

Старик целился так усердно, так долго, как будто от этого зависела его жизнь... Выстрел грянул. Сунув ружье Ерофею, старик побежал к мишени, как бегут за добычей. (Больно видеть, как бегут старики – туловище вперед, а ноги не поспевают.) Подняв кеду, Карп Осипович воткнул в дырку палец – «Попал!» Бородатое лицо сияло, как у ребенка. Легко понять эту радость, когда человеку девятый десяток.

Синий пахучий дымок опустился над огородом. Агафья тоже хотела стрельнуть. Поколебавшись, не стала – «зелье (порох) надо беречь».

– Все на ней – печь, огород, охота и плотницкие дела. Я-то годен теперь только рыбицу половить, – со вздохом сказал старик вслед уносившей ружье Агафье.

Кручина главная у Лыкова-старшего – новая хижина. Постройка, по настоянию отца, начата была сыновьями. (Агафья: «Митя с этим делом-то надорвался»). Сейчас, с помощью проходящих, сруб избенки готов. Но далее дело подвигается медленно. Своими силами, Лыковы убедились, сделать что-либо уже не смогут. Сенцы, кое-как возведенные, тут же разъехались, покосились, а нужна еще крыша, пол, печь (где возьмешь тут кирпич?), таежный участок для огорода возле избы корчевать еще надо – работа для сильных и молодых.

– Зачем вам эта храмИна? – спросили мы старика прямо. – Остаток сил вгоните, а житье-то кому?

Старик ответил в том смысле, что много трудов, мол, положено, жалко бросать. Но оказалось, есть и еще причина печься о новой избенке тут, на горе. Судьба Агафьи не дает старику спать спокойно. И в невеселых думах своих вносил он надежду залучить кого-нибудь на житье – вот изба, мол, готовая.

И ведь явился сюда весною неведомый прохиндей из тайги. «Крестился, христианином назывался, – сказал с отвращеньем старик, – дрова пилил и сладкие словеса источал». Но прояснилось: выведывал «христианин», нет ли у этих замшелых людей золотишка или собольих шкурок. Убедившись, что, кроме копоти в хижине и большого запаса картошки, Лыковы ничего не имеют, соискатель руки Агафьи исчез, не причинив хозяевам, правда, никакого вреда. «Нехороший был человек. Когда ушел, мы на коленях господу бога благодарили...»

– Не лучше ли прекратить непосильную стройку и, коль старая хижина обветшала, переселиться к реке в избенку, что поновее? Печь там готовая. Река – близко. Тепла огороду больше. И главное – люди поближе. В беде ли, в радости – вот они!

Николай Николаевич, Ерофей, я, неожиданно и Агафья идею эту горячо поддержали. Но Хозяин качал головой.

– С умом и праведно говорите. Но как же бросить – сил-то, сил-то положено...

Полдня мы сидели у сруба, обсуждая проблему и так, и эдак. Противоборство было – один к четырем. Все здравые доводы были на стороне большинства. Но старик не сдавался – «не можно бросить»...

Вечером говорили на разные темы. Но чувствовалось, «избяная» проблема грызет старика. Всю ночь он ворочался. Раза три принимался молиться, вздыхал тяжело, почти как всхлипывал. А утром сказал, что пойдут с Агафьей нас проводить до реки – «поглядим на избушку и там все решим».

Дорога под гору с посошками и с разговорами в этот раз показалась не длинной.

Внизу все вместе, сняв шапки, постояли у холмика, под которым покоился Дмитрий. Могила уже заросла иван-чаем. Почти вплотную к этому месту подступал картофельный огород. Увидев зеленое буйство ботвы, Карп Осипович заметно и сразу повеселел. Ухватисто сунул в борозду руку, вынул обильную завязь.

– Да, тут у речки заметно теплее...

Хибарка у этого огорода от той, наверху, мало чем отличалась, но была поновее. Мы всю как следует ее оглядели. Николай Николаевич вместе с хозяином простукали бревна, установили, где надо подправить крышу.

– Я обещаю прислать сюда плотников. Они прирубят к избенке хорошие сенцы. Снесете в них свои короба, а в избе живите себе на здоровье.

Еще Николай Николаевич обещал вертолетом забросить на поляну возле избенки сосновые брусья, сделал смерок для рамы, для новой двери.

Агафья от этого радости не скрывала. Старик тоже заметно обрел душевное равновесие.

– Чем же за милость вашу благодарить...

Николай Николаевич улыбнулся:

– Молись, чтоб пожаров в тайге поменьше было.

– Едак, едак, будем бога просить, – с готовностью и серьезно отозвался старик.

Меня он усадил на бревнышке рядом.

– Василий Михайлович, а как нам с рыбицей быть... – (Старика беспокоили, видно, дошедшие разговоры о правилах рыболовства на Абакане.) – Нам-то без рыбы никак не можно...

Я сказал: «Карп Осипович, ловите столько, сколько можете изловить». С «начальником в Абазе» я обещал непременно поговорить. И убедил старика, что просьбу его поймут и уважат.

...И настала минута прощаться. Лодка, от тяжести севших в нее, дном опустилась до гальки. Провожавшие мигом забрели в воду, поднатужились. И вот уже лодка свободна. Мотор заводить не спешили. Еще минут пять шел незначительный вроде, но важный на прощание разговор.

И вот мы уже на середине реки. Слов уже не слышать. Только руками делаем знаки... Уже поворот. Оглянулись – стоят две фигурки в воде, опираясь на посошки, и смотрят нам вслед.

Все это было в июле. Я после странствовал по Сибири. Садясь за отчет о поездке на Абакан, позвонил в Красноярск, другу, Черепанову Льву Степановичу, навестившему Лыковых позже.

– Что там и как?..

– Все идет своим чередом. Мы были с врачом-ученым. Ну, сами знаете, пришлось засучить рукава. Напилили порядочно дров. Починили нижний лабаз для хранения орехов... Не поверите, в этот раз дали врачу себя осмотреть! Все, как полагается, – пульс, давление, работа сердца. Состояние – в пределах возрастной нормы. Агафья согласилась полечить руку – приспособили стеарин от свечей. Объяснили, как это делать в дальнейшем...

– С избыток не пошли на попятную?

– Нет. Решение жить у реки укрепилось. На бревна спилили три кедра. С вертолета бросили им «столярку» – брусья и доски. Ребята-плотники пока не были. Но старик обнадежен – сушит мох для пазов, взялся расширять огород. Очень рада переселению Агафья. У реки потеплее, рыбалка ближе. И ближе люди! Важность этого Лыковы теперь хорошо понимают...

Такие вот вести с абаканского тупика.

- **Фото автора. 4 сентября 1983 г.**

Журавлиная пристань

Окно в природу

Раннее утро в полях у Талдома. Блестит на стерне паутина, в дымке – опушка леса, копны соломы, три лошади. Но это все – только фон, на котором царствуют птицы. Они спокойно кормились почти под ногами у лошадей. Скрытое приближение человека их сразу насторожило. Но взлетать не спешат, и я успеваю их снять...

Взлетели нешумно, но разом все. Ломаным строем проплыли низко над полем и, свесив перед посадкой длинные ноги, опустились вблизи от болота. Теперь подобраться к ним будет труднее, и я решаю их больше не беспокоить, ложусь на кучу соломы с биноклем и вижу, как, оглядевшись, птицы начинают пастись.

В нашем поэтическом восприятии жизни журавли занимают особое место. С этой птицей связано представление о чем-то для нас дорогом, уходящем. Обновление жизни, радость на крыльях тоже нам видится в образе журавлей. Это потому, что видим мы птиц весной и осенью. Видим куда-то летящими. Кукушка считает наши года, соловей поет о любви, а клин пролетающих журавлей – образ встреч и разлук.

Мир наших чувств журавлям, понятное дело, неведом. Прилетая на родину, в глухих потаенных местах они выводят драчливых птенцов, учат их находить корм, терпеливо учат летать. Журавлиная проза жизни имеет, однако, и радости, давно человеком замеченные, – танцы весной и торжественные пролеты над родимым болотом, когда подросли журавлята, когда все готовы к осеннему путешествию.

Все, кто пристально наблюдал журавлей, знают: птица это степенная, осторожная, сообразительная. Гнездо у нее всегда в недоступном, чаще всего в болотистом месте. Собираясь к осени в стаи, журавли непременно выставят сторожей из числа опытных птиц, способных отличить опасность мнимую от реальной. Лошадь, корова, комбайн на поле, идущий близко автомобиль не очень журавлей беспокоят. Но вот замаячил поблизости человек, и сразу же стая о еде забывает.

Корма большой, сильной птице надо немало. Журавли находят его на болотах, а к осени – на полях. Ягоды, семена, насекомые, черви, лягушки, змеи, мыши, ящерицы – все по нутру голенастому едоку-ходоку. На жнивье журавли кормятся уже стаями, собирая зерна пшеницы, овса, гречихи, гороха.

«Эта птица очень обыкновенна, и при широком распространении ничто не угрожает ее продолжительному существованию», – писал в начале этого века профессор Мензбир. Увы, маститый зоолог ошибся. Ему неведомо было, сколь пагубной для «очень обыкновенной» птицы станет химизация кормных угодий и осушение болот. Журавли стали редкими. Увидеть осенью или весной косяк пролетающих птиц – большая удача. И вовсе уж таинственно-недоступной стала их жизнь во время гнездовой. Она теплится лишь в заповедниках и в очень глухих, не тронутых человеком закоулках природы. Тем удивительней было обнаружить скопление журавлей в Подмосковье, у Талдома.

Семь лет назад натуралист Ростислав Дормидонтов ахнул, увидев под осень почти что тысячную стаю птиц, пасшихся на жнивье. Место сразу же окрестили «журавлиной родиной». Однако дальнейшие наблюдения показали: гнездятся в этих местах лишь десять – пятнадцать пар птиц. Под Талдомом осенью журавли собираются в стаю с больших территорий и кормятся тут до отлета на юг. Краина Подмосковья привлекает их сочетаньем спокойных кормных полей и обширных болотных убежищ. Талдомская низина на месяц, в августе – сентябре, стала пристанью журавлей. В этом году их было уже около двух тысяч!

Журавлиное место объявили заказником. Тут нет охоты и, главное, приостановлена мелиорация. Болота, частично от нее пострадавшие, и в нынешнем состоянии журавлей, как видим, вполне устраивают. Заповедность уникального места нам следует всячески укреплять. Это счастливый случай протянуть руку помощи редким, всеми любимым птицам.

В эти дни журавлиная пристань пустеет. Громадная стая птиц, разбиваясь на путевые группы, до весны покидает родные места. Кому-то где-то выпадет радость увидеть косяк журавлей, услышать прощальные крики.

• **Фото автора. 24 сентября 1983 г.**

Таежный хлеб

Окно в природу

Остановились на перевале полюбоваться тайгой... Синяя даль. Волны синих хребтов. И во многих местах из гущи тайги – идущие кверху струйки дымов. В пожароопасную летнюю пору это должно бы встревожить. Сейчас нет – снежок лежит на гольцах, сыро в тайге от дождей. Дымят в кедровниках бригады охотников за орехами. Насчитав семнадцать дымок, помечаем на карте ближайший от нашей дороги и идем к нему по заметной пешей тропе.

Шалаш. Лошадь привязана рядом. Глеют дрова в костерке. Люди где-то недалеко.

– Эге-гей!..

Минут через десять появляются двое с мешками кедровых шишек. Высыпают добычу в уже изрядную кучу. Знакомимся, греемся чаем. И, конечно, разговор об орехах. «Ищем лазовые кедры. Один вверху палкой сбивает шишки, другой – собирает. Из пятнадцати мешков шишек будет мешка три орехов». Но сбор застопорился. Деревья, на которые можно залезть («лазовые» кедры), в этом местечке уже обобраны. И теперь надо либо сотрясать кедры кОлотом (деревянным тяжелым молотом), либо ждать основного помощника сборщиков – ненастного ветра под названием «тушкен».

В тайге стоит смоляной запах и запах осеннего сыроватого дыма. У дороги повсюду люди. Их много, как грибников в подмосковном лесу. На обочине – грузовики, «газики», мотоциклы. Темнеют горы собранных шишек. Их тут же перетирают на самодельных терках и барабанах, просеивают, подсушивают. Пестрый, разнокалиберный люд – сезонники леспрохозов, студенты, отпускники, подростки-школьники, щетиной обросшие «бичи». Атмосфера – что-то среднее между промывкой золота, уборкой хлеба и сбором грибов. Даже «бичи» с их классической поговоркой «от работы лошади дохнут» тут поддаются азарту. С песнями, прибаутками, с сиденьем возле костров в непогоду убирают «таежный хлеб».

Урожай кедрового ореха большим бывает лишь раз в три года. Урожай этот ждут. Убирают, однако, лишь малую часть, лишь там, куда может рука дотянуться. Техника сбора все та же, что и во времена Ермака Тимофеевича. Попытки механизировать сбор – потрясать кедры взрывами, сбивать шишки ветром от винта вертолета – хорошего результата не дали. И потому смельчаки залезают на кедры с шестами, а силачи бьют по стволам кОлотом. И у всех надежда на шишкобойный ненастный ветер «тушкен» – «после него под каждым кедром – два мешка шишек».

Многим известен знаменитый сибирский, величиной с детский ноготь, орешек – плод сибирской сосны, названной кедром. Сибиряки издавна собирали его столько, сколько могли собрать. Орешки щелкали, били из них высокого качества масло, делали кедровые сливки, по калорийности, вкусу и питательности превосходящие сливки из коровьего молока. Кедровый жмых потребляли кондитеры.

В последние годы, бывая в Сибири, кедрового масла я не встречал, сливки пробовал раза два в домах умелых и неленивых хозяек. Но горстью кедровых орехов угостят тебя всюду. «В этой горсти, – сказал мне ученый, знающий человек, – дневная порция витаминов. А три такие горсти заменят ужин». Все так и есть. И все живое в тайге в год урожая орехов устремляется в кедрачи. Азартно собирают орехи люди. Почти исключительно орехами питается осенью медведь. («Залезает на кедр и трясет. Проследит, много ль упало шишек, – еще потрясет».) Урожаем орехов определяется численность белок. Бурундуки запасают на зиму в своих кладовых до десяти килограммов кедровых семян. Орех едят глухари, рябчики, соболь. Таежная мелкота – мыши, потребляя орех, нагуливают мясо для хищников – соболей, лисиц и куниц. Орехи соблазняются пожевать олени, даже собаки. И есть птица, название которой говорит само за себя, – кедровка. Эта, не очень любимая сборщиками шишек крикунья, заготавливая орехи впрок, способствует расселению сибирского чудо-дерева, дерева, живущего долго (более трехсот лет) и раз в три года дающего всему живому большой бесплатный, беспопшлинный, несеяный урожай лесного сытного хлеба.

• Фото автора. Горный Алтай. 2 октября 1983 г.

Соседи

Окно в природу

Считанное число существ скрашивают зимнюю жизнь Лыковых: вот эта птица, две кошки и одичавший матерый кот. Птицу зовут оляпка. Она не улетает с ручья зимой. Даже в сильный мороз, когда пар стоит над ручьем, оляпка бегаёт под водой как ни в чём не бывало. Есть на ручье у оляпки любимый камень. Это как раз то место, где ручей кудрявится белой пеной и где Агафья берет берестяным ведром воду. Несколько поколений птиц привыкли к тихой нешумной жизни людей и совершенно их не боятся.

Кот появился тут года четыре назад. Двух котов и двух кошек для войны с мышами и бурундуками привезли Лыковым издалека на вертолете. Новоселы быстро освоились. Царству бурундуков и мышей на ржаной делянке они дружно положили конец. После этого кошки сели за постный картофельный стол. Кот же, изгнав куда-то соперника, стал расширять свои охотничьи угодья, одичал, озверел и ходит теперь от хижины Лыковых до пяти километров, промышляя рябчиков, белок и все, что под руку попадет. Если б не общество кошек да не зимние холода, стал бы, наверное, кот таежным бродягой. Но любовные страсти и потребность в тепле держат разбойника возле хижины.

Изредка приходящих сюда незнакомых людей кот встречает, сидя на крыше. Дружбы ни с кем заводить не желает. Но есть у серого нелюдима слабость: помнит колбасный запах, и никакая сила не может удержать его от соблазна отведать гостинца. Этим я и воспользо-

вался, деля снимок. Я клал угощение так, чтобы кот понял: надо пройти по жердочке у избы, и получишь вознаграждение.

Птица оляпка, разумеется, попала в поле зрения кота-охотника. Но тут, как говорится, видит око, да зуб неймет. Для оляпки вода – родная стихия, а кошки воды не любят.

• Фото автора. 15 октября 1983 г.

Птицы ночи

Окно в природу

Эти ночные птицы всегда пользовались особым почтением человека. Изображения сов мы находим на каменных плитах Египта, на старинных монетах, фасадах зданий, в виде каменных статуэток и деревянных фигурок.

Сова – это олицетворение страха, темных сил, ужаса, так считали одни. Символ мудрости – полагали другие. Причина этому – образ жизни и облик совы. Во мраке ночи бесшумным странным полетом и криком робкого человека совы могут до смерти напугать. Днем огромная голова и большие глаза способны внушить почтение – «кто хорошо видит – тот много видит и, наверное, очень умен»...

Но это все наши человеческие предрассудки и заблуждения. Совы живут по предписанному им природой законам, и главный из них: уметь добывать пищу ночью. Большинство сов днем сидит неподвижно, в укромных местах, не привлекает к себе внимания мелких птиц, которые сразу подняли бы страшный гвалт. Вопреки распространенному мнению, совы днем хорошо видят. Их глаза, подобные светосильным фотографическим объективам, «диафрагмируются». Ночью глаз совы обладает высочайшей чувствительностью. Считают: птица способна различить мышь в темноте, при свете свечи, стоящей от жертвы на семьсот – восемьсот метров. Немалую роль при охоте играют необычно чуткие уши совы. На слух она может определить местоположение жертвы и расстояние до нее. Делали опыт: в полной темноте по чуть шуршавшему полу пускали мышь, и сова безошибочно настигала ее; тянули на нитке по полу бумажный комок – сова его тоже хватала.

Бесшумен полет совы. Мы слышим, как посвистывают в воздухе крылья уток, по шуму крыльев определяем полет скворца, воробья, скрипят в полете маховые перья у ворона, а мягкое оперенье совы позволяет ей настигать жертву совершенно бесшумно.

В нашей стране обитает несколько видов сов – от крошечного воробьиного сычика до огромного филина. Пищей сычику служат мыши. Филин мышами тоже не брезгует, но может поймать и зайца, воровал кур у знакомого мне лесника, которые, опасаясь лисиц, предпочитали ночевать на деревьях.

У сов нет зоба, в который можно запастись пищей. Но поскольку в охоте могут быть перебои, запасы необходимы. И совы их делают в разных местах. Самым запасливым надо считать воробьиного сычика. Однажды зимой в дуплянке я обнаружил его кладовую – двенадцать мышей. Но в том же лесу у Оки орнитолог Г. Лихачев нашел дуплянку, в которой было 86 (!) мышей. Таков наш сычик.

Средних размеров сова съедает до тысячи полевых грызунов, сберегая нам около тонны хлеба. Но колебания урожая мышей и неблагоприятная погода частенько заставляют сов голодать и даже гибнуть. В бескормицу птицы не делают кладки яиц. При остром голоде

могут съесть ослабевших птенцов. Голод заставляет самку иногда охотиться на самца (он меньше ее размером). Это может нас покоробить, но таковы законы выживания вида...

Совы умеют за себя постоять. На острове Врангеля вблизи кладки яиц белой полярной совы селятся гуси, давно усвоившие: эта территория самая безопасная. Нет птицы, способной более смело и самоотверженно защищать своих птенцов, чем сова. Я испытал эту смелость сам, когда однажды полез к гнезду на ольхе. Не слышно подлетевшая сзади сова сбила с головы кепку, и я отступил, сразу вспомнив, как в подобной же ситуации немецкий фотограф Эрик Хоскинг лишился глаза.

Совы – хозяйева ночи. Днем, заметив опасность, они пытаются затаиться, вытянуться где-нибудь около ствола березы, становятся похожими на сучок или неслышно, как тень, слетают под полог леса.

• **Фото В. Пескова и из архива автора. 23 октября 1983 г.**

Снегоход

Окно в природу

На лесной гари чудом уцелела высокая деревянная вышка. Я на нее забрался в надежде увидеть что-либо живое. Но даже мышинных следов не было на снегу. «Не огорчайся, – сказал лесник. – Устроим столовую – едоки объявятся непременно».

Под горкой возле болотца лесной пожар пощадил рощицу старых осин. Две из них лесник повалил. И дня через три мы обнаружили: кора осиновых веток тронута зайцами и мышами. «Появится и сохатый...» И верно. Однажды утром мы обнаружили лосиные броды в снегу, орешки помета, место, где зверь лежал. Осиновые ветки были обглоданы, а где потоньше – съедены вместе с корой. «Будет ходить теперь, пока осиновый пряник не кончится». Лесник свалил еще одно дерево. И я полез на вышку выяснить: видна ли наша столовка?

Сфотографировать место кормежки сверху было нельзя. И я решил караулить: не пройдет ли лось к осиннику мимо вышки...

Случай идет навстречу тому, кто ищет его. На второй день под вечер я забрался на вышку, на веревке вытянул кверху тулуп, приготовился ждать... Ждал недолго. Прокричала сорока, и, обернувшись, я увидел то, что хотел. По редколесью, направлением на осинник шел лось. Шел по прямой линии, как ходят к известной, хорошо проведенной цели. Снегу было по самое брюхо, но зверь-вездеход шел без малейших усилий, оставляя глубокую борозду.

Щелчков фотокамеры лось не услышал. Но мне захотелось хоть на немного задержать зверя. Я пискнул мышью, постучал костяшками пальцев по дереву. Лось на мгновение замер,

поводил ушами, определяя направление звука. Помочился, выдавая нервное напряжение. Но, успокоившись, он, не меняя курса, проследовал вниз к болоту.

На другой день я попытался подстеречь зверя, сделав засидку возле осин. Не пришел! По следам мы увидели: приближался, но повернул, почуял, как видно, опасность...

– Как же нашел он эти осины?

– А шут его знает, – сказал лесник. – Но не бывает, чтоб не нашел. Срубил или ветром свалило, смотришь – объедено. Как и волка, этого зверя ноги кормят. Иная живность все тропами ходит, а этот – целиной, напрямик. Снегоход настоящий.

• **Фото автора. 19 ноября 1983 г.**

На площади в Бремене

Окно в природу

Образы животных сопровождают человека от истоков его истории. Самый первый рисунок углем на стене пещеры изображал зверя. Древнейшая живопись дошла до нас и полнее, чем что-либо другое, рассказывает о жизни наших далеких предков.

В скульптурных фигурках и монументах мы, как правило, видим двух персонажей: человек и животное. В археологии есть даже понятие, характеризующее целую эпоху в творчестве древних людей, – «звериный стиль». В любом музее мы найдем статуэтки, браслеты, пряжки, рукоятки оружия, игрушки, изображающие зверей и птиц.

Позже, в больших монументах, с человеком чаще всего соседствует лошадь, что объективно отражает ее роль во всех сферах жизни людей. На коне мы видим охотника, воина, путешественника, рядом с лошадыо – пахаря, возчика, лесоруба.

Многим животным человек поставил благодарные памятники за их службу. И не счесть произведений искусства, где птицы и звери своим обликом, своей пластикой вдохновляли художников. Тут вслед за лошадыо можно назвать оленей, антилоп, тигров, волков, медведей, орлов, лебедей, журавлей, сов. Нередко в скульптурной группе встречаем поджарого, проворного кабана. Недавно в Мюнхене я видел великолепный выразительный монумент «Раненый вепрь».

Не повезло в скульптуре домашней свинье. И удивительно было увидеть на площади в самом центре города Бремена целое стадо бронзовых чушек. В древности – 700 лет назад – тут было, как повествуют хроники, пастбище для свиней. Это и вдохновило немецкого скульптора Петера Лемана создать многофигурную композицию «Свинопас». Пастух с рожком, собака и стадо свиней с поросятами утвердились на старой площади, придав ей необычное очарование. Постаментов нет, свиньи «ходят» по каменным плитам, магнитом притягивая к себе ребятишек, туристов и всех, кто первый раз видит эту компанию.

Сверкают витрины дорогих магазинов, бегут вереницы автомобилей, давно, очень давно дудел тут в рожок свинопас. Но дело его живет по-прежнему. Основой всего, чем жив человек, является земля-кормилица. Скульптурная группа в Бремене с улыбкой напоминает об этом.

• Фото автора. 27 ноября 1983 г.

1984

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОДИНЯЙТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ

№ 218 (1812) • Выходит 2 октября 1984 г. • Цена 1 рубль 10 коп.

«Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно строить коммунизм»

Сетова — День молодого работника

Традициям верны

В Рязанской области в честь 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина в 1984 году...

апреля 1974 года.

Билет

Ваш билет — это не просто билет, это билет на будущее. Он дает право на участие в конкурсе...

Построили!

Впервые в истории нашей страны в 1984 году в городе Москва построили новый завод. Это предприятие будет выпускать продукцию для народного хозяйства...

РЕЗЕРВ В НЕМАР

В резерве нашей страны находится много талантливых специалистов. Их необходимо использовать для развития экономики...

ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО ОТПРАВЛЕНИЯ...

25 декабря 1975 года.

Ушию характер бригадиров

В бригадах нашей страны работают люди с разным характером. Но все они стремятся к успеху и развитию производства...

25 декабря 1975 года.

Начальник поезда

Ваша работа не проста, но она важна. Начальник поезда отвечает за безопасность и комфорт пассажиров...

ПЕРВЫЙ ДЕСАНТ

Впервые в истории нашей страны в 1984 году состоялся первый десант. Это событие стало знаменательным в нашей истории...

Дайте им шанс остаться живыми

Окно в природу

Носорог уже не поднимется, судьба шофера неизвестна, машина скорее всего отъездила. Жалко нам в этом случае больше всего носорога. Автомобили вылетают из заводских корпусов миллионами, ежегодно – 38 миллионов новых машин. Носорогов же скоро будем считать по пальцам. И сконструировать заново их невозможно.

Драматическая сцена на африканской дороге стала, увы, характерной для многих дорог. Помню, во время путешествия по Америке на шоссе в Миннесоте у нашей машины стал глохнуть мотор. «Обычное дело, – сказал механик, – взгляните...» Радиатор был забит пчелами. Механик повесил впереди радиатора сетку – мотор заработал исправно, но пчелам от этого лучше не стало. В штате Невада мы ехали по дороге, устланной шкурками раздавленных грызунов. В Вайоминге раз пять видели сбоку шоссе мертвых, сбитых машиной оленей.

У нас только вблизи Москвы ежегодно гибнут 50 – 60 лосей. А сколько всего по стране – лосей, кабанов, оленей, сайгаков, зайцев!

Чем выше скорость, тем больше жертв. Вот так обстоит дело в ФРГ, где скорость на магистральных дорогах не ограничена. В позапрошлом году машинами тут убито 207 тысяч крупных животных – 1700 оленей, 73 тысячи косуль, 130 тысяч зайцев, две с половиной тысячи кабанов. И это лишь крупные животные, заметные. А сколько гибнет от столкновения с транспортом птиц, грызунов, ужей, ежей и всякой плохо поддающейся учету «мелочи».

Попытки считать все же предпринимаются. Результаты их поистине удручающи. В Соединенных Штатах за год автомобили уносят жизни 365 миллионов позвоночных

животных (сюда входят мелкие грызуны, жабы, ящерицы, птицы, летучие мыши). 365 миллионов!

Погибающих бабочек, пчел и жуков считать невысказанно трудно. Но вот данные австрийских зоологов: о каждый автомобиль за летний пробег разбивается полтора миллиона насекомых. Это заставляет нас с ворчанием чистить ветровое стекло и мыть машину. Но ведь это и то, что служило бы пищей для птиц, опыляло цветы, собирало медоносный нектар и радовало бы наш глаз порханием на лугу. Помножим миллионы крупинки жизни, обрабатываемых в мусор, на число бегущих по дорогам автомобилей – грустно! «Дороги беспощадно протирают и без того уже ветхую ткань жизни».

Эта драма почти фатальна. Дорог на земле проложено столько, что площадь их равняется площади всех городов. И если города оттеснили животных, то дороги перерезали пути их миграций, пути их движений во время пастбы и охоты.

Беда состоит в том, что животные не ведают дорожной опасности. Они не очень боятся машин. Их вековой, передающийся по наследству опыт не знает опасности, летящей скорее, чем ветер. А личным опытом, так же как этот лежащий на шоссе носорог, воспользоваться они уже не могут. И потому даже простое пересечение дороги часто кончается катастрофой.

Больше того, дорога для многих животных притягательна. Понаблюдайте за гусями, чинно идущими по шоссе. Он убеждены, что дорога для того и создана, чтобы гусям удобнее было идти под вечер домой. К счастью, гуси несуетливы, и шофер успевает притормозить, давая возможность степенной шеренге посторониться. Кто бывал в Средней Азии, знает: верблюд частенько предпочитает дорогу ходьбе по неровным песчаным пространствам. Коровы и овцы любят дороги. Дороги всегда привлекали и диких животных тем, что по ним быстрее и легче, чем, например, по глубокому снегу, можно передвигаться – «с своей волчиной голодной выходит на дорогу волк». На дорогах искали и пищу. Птицы в конском навозе находили овсяные зерна. Зайцев на прежних дорогах привлекали клочья упавшего сена и желтый соленый ледок по конскому следу.

Любопытно, но сегодня бетон и асфальт еще более привлекательны для животных. Зайцам тут, правда, делать нечего, а вот птицам и грызунам по нашей небрежности и халатности еды на дорогах сколько угодно.

Года четыре назад на шоссе, ведущем в Чернигов, я сделал забавный снимок: немолодой уже велосипедист гонит с дороги домашних уток. Одну, уже мертвую, он держит за лапы в руке. Оказалось, утки, как только им удавалось выбраться из загоня около дома (деревня Пальчики), немедленно устремлялись к шоссе. Путь, для уток немаленький – два километра, – их не смущал, ибо шоссе очень сытно кормило. «Вот поглядите, – сказал нам хозяин, – зерна на асфальте – хоть метлой подметай...»

Об этой обильной и сытой во многих местах кормежке знают не только домашние утки. Знают и дикие. Сбегаются на зерно и живущие поблизости грызуны. За грызунами ночью охотятся ежи и совы. И все вместе ночами они становятся добычей летящих автомобилей. А днем начинается пир у сорок и ворон – мясной еды на дороге сколько угодно. Эти птицы в последние годы стали селиться возле шоссе и уже научились понимать скорость. Они точно рассчитывают время и хватают еду нередко у самого колеса.

Для многих животных асфальт и бетон привлекательны еще тем, что на них можно погреться. Тех же гусей иногда просто трудно спихнуть с дороги – сидят, и все. Но гуся все-таки сгонят. А вот ужи на асфальте гибнут многими тысячами. Из Воронежа мне сообщают: шоссе, идущее на Ростов, легло через какое-то болотце. И каждую весну дорога на этом участке буквально устлана раздавленными ужами. Проснувшись от зимней спячки, ужи устремляются к месту, где можно согреться. Откуда ужам знать, что это теплое место смертельно опасно: гибнут тут сотнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.